

В ПАСТИ НОВОЙ ВОЙНЫ

ВИКТОР ПОЛЯКОВ

ТРИЛОГИЯ "МЕСТЬ ОРДЕНА"

КНИГА 1

Месть ордена

Виктор Поляков

В пасти новой войны

«Accent Graphics communications»

2013

Поляков В.

В пасти новой войны / В. Поляков — «Accent Graphics communications», 2013 — (Мечь ордена)

Фантастическая эпопея с элементами магического сюрреализма о великой битве за Шаэдар. Динамика и насыщенность повествования и масштабность сражений потрясут ум и воображение. Этот особый мир, с немалым количеством тщательно выписанных персонажей и невероятными переплетениями сюжета и событий – невозможно описать короткими строками. Смертельные схватки за могущественные реликвии, решающие исход войн, каждая ценою в жизнь; отступники ордена, стремящиеся вернуть артефакты Боли и Эсткарх – сильнейший маг Ахерона, могущий сопротивляться их воздействию; орден служителей, предавший тройственный союз и выступивший на стороне врага; самоотречение прекрасных женщин ордена хранительниц, ведущих смертельную войну со всем, что может нести угрозу живущим; люди, защищающие свой мир в безысходности бесконечного противостояния. Рушатся стены цитаделей, города превращаются в руины.

© Поляков В., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

Книга первая	11
Пролог	11
Глава I. «Начало»	16
Глава II. «Дорога на Запад»	29
Глава III. «Начало новой Эры»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Виктор Поляков

Месть Ордена. Книга

1. В пасти новой войны

Это случилось немногим более года назад. Телефонный звонок, раздавшийся в половине девятого утра, вывел меня из сонного забытья. Голова после вчерашнего «дня рождения» гудела так, что невольно на ум пришло сравнение с колоколом. Я не пью. Вообще. То есть совсем. Но голова болела так, словно я победил как минимум литра два водки. К телефону подходить я, естественно, даже не собирался. Эх, если бы его розетка была под рукой... Прерывистая трель никак не умолкала. Вот это терпение, с толикой восхищения и зависти подумал я и, кряхтя как семидесятилетний старик, поднялся с кровати, покинув тёплый и уютный мирок.

«Долбаный вырезивитель!» – в сердцах выругавшись на привычку жены открывать настежь балконные двери и форточку, перед тем, как увести дочь в детский сад, я включил «громкую» связь.

– Здравствуй, Виктор! – радостный голос Юрия, моего давнего приятеля, наводил на определённые размышления.

– Ну, да... И тебе не болеть, – съязвил я, помня его постоянные утренние мучения после каждого «удачного» вечера.

– Издеваешься, – обиженно засопел он.

– А как же? А был бы рядом, я б тебя вообще убил, добродетель ты наш.

– Ну вот, – казалось, я вижу его ухмылку, – а я хотел тебе радостную новость сообщить.

– Что вечером ты продолжишь, а я буду вынужден составить тебе компанию?! Юра, хочу тебе сказать, что есть гораздо более лёгкие способы деградировать. Все! Пока, – я уже собирался положить трубку, добавив что-то вроде, – До понедельника.

– Да нет! То есть да! Блин, запутался... У тебя комп рядом?

– Юра! Короче, всё! Счастья тебе, – выпалил я, отключаясь.

Утро было испорчено безнадежно. Это же надо догадаться разбудить прилётшего пару часов назад человека и попытаться посадить его за компьютер! Жалобно скрипнул стул, освободившись от моего веса. С шелестом полетел в угол очередной выпуск какого-то «ванильного» журнала, забытый женой на моем столе. «Какого чёрта она делает за этим компьютером?! Для чего ей её собственный?» – мысль пропала, как только взгляд остановился на блоке бесперебойного питания. Естественно, что она его опять не догадалась включить, а потом позвонит и скажет, что её новенький компьютер сломался.

Опять заорал сотовый. Ещё чуть-чуть и сердечный приступ был бы обеспечен. Взглянув на дисплей, я вскипел, но решил ответить.

– Сломался, да, родная? – мой вкрадчивый голос ввёл её в заблуждение, и она затараторила.

– Да я его и так, и эдак...

– А он никак?

– Ну да... – надо было срочно заканчивать, голос начал отчётливо отдавать заискивающими нотками. Дошло, наверное, что нельзя будить меня в мой законный выходной (пусть он и во вторник) в такую рань. А если учесть вчерашний вечер...

– Сделал уже. Всё, я сплю! – выключив телефон, я отправился на кухню. Жажда требовала немедленного утоления. Интересно, я точно не пил ничего вчера? Молока не оказалось, и мне пришлось довольствоваться водой.

Утолив жажду, и снова почувствовав пробирающий до костей холод, о котором на время успел позабыть, закрыл окна на кухне, и дёрнул со спинки стула невесть как оказавшийся здесь халат. Размышления о выборе следующего пункта назначения были недолгими.

В ванную или дальше спать? Слипающиеся глаза оказались самым важным аргументом, и, вскоре, манящая близость перины готова была принять меня в свои сладкие объятия.

Я сжал кулаки, услышав залиvistую трель домашнего телефона.

– Прочитал? – конечно же, Юра!

– Юра... Я, конечно, понимаю, что ты Юра! Но не до такой же степени! – я бросил трубку и зло кликнул по ссылке. Сон мгновенно улетучился, и я углубился в чтение. Заголовок сулил много интересного. С поразительной скоростью сбегав на кухню и запасшись парой бутербродов и кружкой крепкого кофе, я снова занял своё любимое место. А именно – перед монитором.

Статья гласила: «Сегодня в нашем городе открывается новый клуб «Эргистаэл». Удивительно, что клуб такого рода в Нижневартовске станет первым, ведь прошло уже больше года от даты тех знаменательных событий, прославивших этот небольшой город на весь мир. Его учредители, пожелавшие остаться неизвестными, сообщили – решили создать из нескольких разрозненных новаторских групп единую организацию...» И далее, в том же духе.

* * *

Теперь, значит, нам есть куда пойти, если решим собраться в очередной раз. Не радовать сей факт попросту не мог. Сегодня и испробуем все обещанные автором удобства этого клуба. Атмосферу, музыку, обстановку и другие «вкусы».

Трубка отчего-то упорно отказывалась дать гудок. Видимо, слишком сильно я её положил обратно. Значит, попробую позвонить позже.

Вода приятно обволакивала тело, расслабляла и успокаивала. «И так спать охота» – подумал я, а рука уже тянулась к смесителю. Когда тёплые струи воды сменились обжигающе-ледяными, сонливость как рукой сняло. Да ещё как! Пулей, вылетев из ванной, я поклялся себе в который раз именно сегодня вызвать сантехника. Потом вспомнил, что «именно сегодня» и не выйдет. К двум часам надо быть в офисе, сделать рабочий вид и к шести часам явиться в новый клуб. В «полной выкладке». А это час мучений жены. С постоянными упрёками в плане того, что за железом я абсолютно не слежу. Хотя на это есть постоянная отговорка, порядком уже поднадоевшая, но пока работающая: «А ты на что?» А вообще, я же знаю, что Ольга обязательно всё почистит.

Я бросил жалобный последний взгляд на разобранную постель и распахнул дверцы шкафа. Заеду в офис пораньше, помогу жене. Не дай бог не возьму её с собой, пилить будет неделю. А мне хватает и часа заунывных нотаций, чтобы в полной мере ощутить радость одиночества.

Здание стальных оттенков в два этажа, с кричащей над входом вывеской «Эндимион», притягивало взгляд, благодаря оригинальности архитектурных и дизайнерских решений.

Лет десять назад, собравшись как-то втроём (я, Ольга и Юра) в душевной квартирке, которую мы снимали с женой, за «чаем» решили организовать фирму. Замысел, бесспорно, благой. Но если учесть, что образование имела только Ольга, да ещё весьма и весьма далёкое от торговли, тем более компьютерами... Да, это была чрезвычайная авантюра. Но, на этот раз, удача к нам повернулась не тем местом, на которое обычно приходится смотреть в таких случаях.

Такси остановилось прямо перед крыльцом и я, расплатившись с водителем, вышел навстречу охраннику. Парковка в такой близости от здания была запрещена, но, увидев своего работодателя, праведный гнев охраны куда-то улетучился, и на губах заиграла приветливая улыбка.

Алина, секретарь Ольги, поспешила к своему компьютеру, едва только завидев меня, но опоздала. Так я и думал. Опять свои дела.

– Солнце... Это эпидемия? – задал я вопрос.

– Ммм?

– А! Всё равно бесполезно что-то говорить. Иди уже...

Признательный взгляд секретарши был мне ответом, и через секунду она уже была за компьютером.

– Здравствуй, солнце! – Ольга подняла голову и отодвинула кипу отчётов.

– У тебя все солнца. Неужели я не заслуживаю чего-то особенного? – с наигранным недовольством пробурчала она, подставляя щеку для поцелуя.

– Работы много? Надо, чтобы ты до трёх освободилась, ненаглядная.

– Зачем?

– Внеочередные сборы. А вообще, тебе понравится, я думаю. Для меня это тоже полная неожиданность.

– Хорошо. Если поможешь, друг сердечный... – лукавый блеск в её глазах не предвещал ничего хорошего.

– Не помогу! – как же я был наивен...

Через час я почувствовал себя окончательно опустошённым. Злобно посмотрев на ухмыляющуюся жену, и отодвинув от себя пордевшую на половину стопку документов, загрузил Google.

– Ладно. Завтра сделаю. Эти всё равно на будущий год. Так что это абсолютно не срочно. Особенно, учитывая, что у меня сегодня выходной, – все было сказано таким тоном, что возражать было бы неразумно.

– Хорошо. Завтра, так потом.

– Там опять интересовались, что означает твой ник, – Ольга почти смеялась. – Послала в поисковик.

Три года назад наш город стал, пожалуй, самым знаменитым. Никто и никогда до сего момента не понял, что там произошло на самом деле.

Гиганты, ростом выше шестнадцатизэтажного дома, один похожий на обезьяну и второй, напоминающий колоссальную медузу, рушили город, а потом сцепились между собой. Две женщины в фантастических доспехах, противостоящие им... И тот портал, высотой до облаков...

Существовали тысячи свидетельств, видеозаписи, рассказы очевидцев, заключения многочисленных экспертов, но ничто не могло объяснить тех событий.

Я помню, как одна из женщин в золотых доспехах и зелёном плаще стояла посреди улицы Мира и кричала: «Шаудер!» Я помню и того шестирукого гиганта, который явился на её зов.

С тех пор прошло всего три года, но было заметно, как изменился город. Прибывало множество туристов со всех концов света, а тема фэнтези получила невиданный толчок. Затронула это и меня, и Ольгу, и Юру, и тысячи других людей. Теперь пресловутое «махание мечом» приобрело как театральные черты, так и реконструкторские.

Отличие в том, что сейчас я знаю, из-за чего все это случилось. А узнал я это в день, когда открылся «Эргистаэл».

* * *

Весёлые журчащие ручьи бежали по улицам, сливаясь воедино. Образовывая вначале маленькие неглубокие лужицы, ручейки грязной воды постепенно их увеличивали, отвоёвывая все новые и новые пространства.

Погода в последние дни все больше поражала своей непостоянностью. Перепады температуры от плюс пяти до минус пятнадцати градусов в течение одних суток заставляли пожилых

людей проклинать все на свете. Они тянулись к вешалкам с одеждой перед очередным походом к врачу. Выстаивая длинные очереди, пенсионеры, попав в заветный кабинет, жаловались на своё состояние, а врачи в ответ только разводили руками, мол: «Что вы хотите, бабушка, погода...».

Но и молодым перипетии природы доставляли массу неудобств. Например, мне. Вляпавшись, в который раз, в мою «любимую» лужу перед подъездом, я еле сдержался, но увидев торжествующую усмешку Ольги, которая чудесным образом нигде не поскользнулась и ни разу не наступила «куда, ни попадя», я буквально озверел. Психанув, ступил на крыльцо, но не заметил ледяной предательской корки.

Не знаю, наверное, я смотрелся достаточно смешно – лёжа посреди улицы, но мне было не до этого. Как я ТАК упал? «...В зобу дыханье спёрло», – спина болела нещадно, в глазах почему-то в разные стороны разбежались радужные кольца. Хотя, почему «почему-то»?

Почему я знал, но легче от этого не становилось.

Оля нахмурилась, заметив злорадные ухмылки прохожих. Отчего-то другим становилось хорошо, когда с молодыми и не очень людьми случались подобные казусы. Я относился к этому спокойно, но она терпеть такого так и не научилась. С силой схватив меня под руки, рывком подняла на ноги (надо заметить, что от этого мне лучше не стало, а скорее наоборот) и затащила в подъезд.

Вскоре мы были дома и, потратив около часа на домашние дела, открыли «комнату за железной дверью». Так называли её все наши многочисленные знакомые и, чуть менее, многочисленные родственники. К слову сказать, эта комната на самом деле была смежной однокомнатной квартирой. Купили мы её около полугода назад, и я, с молчаливого согласия жены, превратил это в нашу общую тайну. Правда, тайной она была не для всех. Юра и ещё несколько наших знакомых заглядывали сюда не раз, а то и проводили там долгие часы. Со временем мы перестали открывать эту массивную железную дверь, чёрную как смоль, с удивительно красивой серебристой руной во всю её высоту. Значения её мы не знали, а Гиммлер, нарисовавший эту руну, так и не сказал его (я, правда, подозревал, что он углядел её в тот самый день). Не открывали мы дверь из-за того, что моя мать после долгих уговоров заставила меня показать нашу «святая святых». Презрительная «мина» не вывала у нас с Олей никаких светлых чувств. Бесцеремонность и неуважение со стороны матери проявлялись и ранее, и, тем более, к вещам, которые она не понимала. Но этот жест до сих пор оставляет мутный осадок при каждом воспоминании. А вызвала её презрение, собственно, пара идеальных во многих отношениях доспехов, вид которых сам по себе рождал восхищение и благоговейный трепет.

Лёгкий и изящный, выполненный из высокопрочных материалов по самым современным технологиям, с великолепным дизайном и эргономичностью, женский доспех (судя по двум характерным выпуклостям в области груди) золотистого цвета. Черные и багровые линии, то утолщаясь, то уменьшаясь, хаотично пересекали его, образуя сложный, лишённый какого-либо смысла, но чем-то притягивающий взгляд, рисунок. Шлем дополнял доспех, органично вписываясь в общую композицию. Длинная кольчуга, высокие сапоги, штаны из зелёной материи и такого же цвета плащ заканчивали общую картину, создавая потрясающий образчик дизайнерской мысли.

Рядом находилось не менее выдающееся творение. Величественный, темнее ночи, полный доспех, с такими же красными линиями, и шлем как самая смелая фантазия. Чёрный же плащ и такого же цвета щит с многочисленными углами и вырезами, задуманные так, чтобы внушать одним своим видом ужас, поколебать уверенность противника в собственных силах, выполняли эту функцию в полной мере.

Перед каждым стоял столик, на котором лежало оружие. Около женского – два меча: один прямой обоюдоострый полуторный меч, и второй, близнец первого, если бы не его длина. Его лезвие было существенно короче.

Напротив черных доспехов на столике покоился типично западный меч с широким лезвием, типичный только при беглом взгляде издалека. При ближайшем рассмотрении оказывалось, что лезвие с обеих сторон, начиная от рукояти, на десять-двенадцать сантиметров представляло собой сделанное наподобие гарпуна кривую линию. «Великолепно!» – такие возгласы наверняка согрели бы душу мастера. Одно качество металла говорило о многом – на лезвии не было ни сколов, ни зазубрин, должных образоваться от столь частого использования.

Остальную обстановку «тайной» комнаты составляли шкаф и несколько железных прутьев в руку толщиной, закреплённых на потолке и стенах. Ещё несколько торчали из пола. Излишне было говорить, что эти прутья являлись своеобразными тренажёрами. Именно на них мы с Ольгой оттачивали своё мастерство. И, надо заметить, очень не безуспешно. Как ни странно, но лучшей была Ольга. Даже Юра, признанный мастер глефы, далеко не всегда побеждал её.

Итак, войдя в комнату, мы с женой приступили к долгому процессу облачения. Долгим именно для нас, потому что он сделал продолжительную паузу в тот момент, когда я «нечаянно» увидел её обнажённую фигуру. Лишним будет говорить, что это зрелище не могло оставить меня равнодушным.

В результате, подъехав к сияющему огнями неоновое освещение клубу, мы увидели порядочную толпу, собравшуюся около центрального входа. Денис Анатольевич – водитель подвозившей нас, помахал рукой и, буркнув на прощание что-то вроде: «До завтра. До свидания», уехал в гараж. Быстро уехал. Чуть не окатил нас грязью. Немудрено – офис закрывался в шесть вечера, а вместе с ним и гараж. Не успеет поставить машину, будет иметь нелицеприятный разговор с Гиммлером. А ему все равно, кого и куда ты возил. Любил он сильно нотации читать. В том числе и абсолютно невиновным.

Увернувшись (чудом, наверное) от грязных брызг из-под колёс машины, мы подошли к крыльцу, над которым переливались огненно-красные буквы, образующие непонятное нам тогда слово «Эргистаэл».

Едва завидев нас, толпа довольно организованно втянулась внутрь клуба, оставив у дверей только двух охранников. Полные доспехи, хотя, далеко не такие как у нас или Юры, но очень и очень неплохие. Вооружение составляли меч и высокий, наподобие башенного, щит. При нашем приближении обитые железом створки раскрылись, будто сами по себе, пропуская в тёмный зал.

Ольга быстро прошла в самый плохо освещённый угол зала и присела за столик. Излишне говорить, что я рухнул рядом. А Юра рухнул минут через пять, предусмотрительно сев подальше от Ольги... За противоположный край стола.

Вскоре, я дождался происходящего с завидной регулярностью действия. Не знаю, на почве чего они сцепились, но, буквально минут через пять до моего слуха донеслось: «...и меня не занесут в чёрный список, Юрочка?». Вот тут она допустила промашку.

Юра по опыту знал, чем грозит ему лично это вкрадчивое «Юрочка», и реакция его была незамедлительна. Сорванный с креплений стены подсвечник вместо его спины встретил только воздух. Хорошо ещё хоть свечи не зажигали. После непродолжительных криков: «Убью!» и «Попадись мне только!», – все закончилось. Но закончилось это светопредставление – кругом.

Занятый до этого наблюдением за цирком, который устроили два взрослых человека, до конца вжившихся в образ, я толком и не осмотрелся.

Внутреннее помещение являло собой вытянутый овал, площадь которого, навскидку, была не менее пятисот квадратных метров. По периметру к стенам крепились подсвечники на три, пять и семь свечей, чередуясь с макетами самого разнообразного старинного оружия: мечей, кинжалов, пик, секир, топоров, палиц, булавы и другого, порой экзотического. Общая обстановка походила на высококлассную таверну древности, какой она представлялась, напри-

мер, мне. Даже официантки были одеты под старину. Мой поверхностный взгляд сразу выделил многие мелкие детали. Антураж, без сомнения, был на высоте.

Пока в центре зала расстилали и закрепляли большой (восемь на восемь метров) чёрный квадрат материи, с начерченным на нем идеально белым кругом, за стол ко мне подседа незнакомая девушка. Едва взглянув на неё, я почувствовал укол ревности.

Я уже настолько привык носить на сборах, играх и тому подобных мероприятиях лучшие среди всех образчиков доспехов и оружия (за которые выложил кругленькую сумму), что даже поперхнулся, увидев на наплечниках девушки двух крылатых маленьких драконоподобных существ. Они были как живые. На наручах красовалась ещё по одному такому же созданию, а шлем... Это было поразительно.

К столу подскочила официантка и, оставив меню, упорхнула, оставив после себя сладковатый запах духов.

– Меня зовут Сиана, – представилась подсевшая ко мне девушка, снимая шлем. Думаю, что не покривлю душой, если скажу – в тот миг я немного пожалел, что у меня имеется жена.

– Я женат, – буркнул я довольно недружелюбно.

– Интересное имя, – как будто колокольчики зазвенели, а не её смех.

– Шаудер меня зовут... или нужно настоящее имя? – я заметил как при слове «Шаудер» её лицо на миг окаменело, но не придал этому значения, – но я...

– Женат, я знаю. И жена очень ревнива. Но она сейчас в круге и нам не мешает.

– Нам?

– Да, нам, – она приподняла бутылку и вопросительно посмотрела, – откуда такое странное имя?

В который раз я монотонно рассказывал о событиях давности, не переставая удивляться тому, как удачно она скопировала ту девушку, что звала Шаудера. Или это и была она? Очень похожа. Тогда зачем она спрашивает о том, что наверняка знала?

Я так и не понял, что случилось. Помню только, что «выключился» в момент, когда увидел тот огромный рубин у неё на груди. «Настоящий». Полувопрос, полуутверждение, но, без сомнения, последняя мысль в тот вечер.

Говорили, что я два дня пролежал в бреду. Непонятные слова, произносимые мной, такие как «Шаэдар», «Хатой», «Турех», «Эсткарх» и другие, вызывали у жены и врачей, которых она вызвала, лишь непонимание и беспомощность. Никаких признаков болезни, жара, температуры не было. Был только бред и тысячи образов, которые до сих пор вижу в своих снах.

И ещё осталось непреодолимое желание описать историю Шаэдара.

Книга первая «В пасти новой войны»

Пролог

120 млн. лет до Р.Х.

21 Мая 6349 года Летоисчисления. Эра Предначертаний.

День

Ахерон. Пустыня Гайя

Дрожь земли! Сиана пошатнулась в тщетной попытке удержать равновесие, но очередной толчок со страшной силой бросил её на песок. Прямо перед ней разверзлась глубокая пропасть, обнажая скальные породы, и оттуда на многометровую высоту взлетел фонтан раскалённой лавы. Все вокруг, казалось, перевернулось в дикой феерии природы, уши закладывало от грохота, слепил песок, попадающий в глаза, все тело ныло от нестерпимой жары. «Помни! Только один раз ты сможешь призвать каждую из моих ипостасей...» – слова повелителя стихий всплыли в её памяти и она, полуослепшая и полуоглохшая, начертила на песке заветные символы. Со скрежетом, от которого заломило в зубах, края пропасти в земле начали сходиться. Исчезли фонтаны лавы, и лучи солнца, скрытые доселе тучами пепла, снова коснулись её лица.

– У неё получилось! – в голосе хранительницы, чью стройную фигуру укрывал багрово-красный плащ, послышалось неподдельное торжество.

– Да, получилось... Но что случится с ней, когда лапы шаудера сомкнутся на её горле? По-моему, фатальный конец неизбежен, ей нечего противопоставить ему – даже стихии не в силах совладать с этим исчадием! Как жаль, ведь она подавала большие надежды.

– Она сможет. Я верю в неё.

– Готовь круг к атаке. Мы не можем позволить ему уйти с такой реликвией, – Аннаа резко развернулась и, вдруг, выпалила в лицо первой дочери ордена. – Как ты могла так ошибиться?! Всего двести лет и она вошла в изумрудный круг и теперь, благодаря твоей поспешности, мы лишимся её! Нас слишком мало, чтобы так необдуманно рисковать! Она погибнет, как и пятеро предыдущих плащей! И мы не в силах вмешаться, чтобы спасти её, иначе нарушим договор, а ты знаешь, чем нам это грозит!

– Ещё не всё потерянно... – ответила Исида, не ожидавшая такой длинной тирады из уст преподобной, отличительными чертами которой всегда были холодность и сдержанность.

– Если она погибнет... – лицо матери на мгновение приобрело гримасу ненависти, – иди и готовь круг!

– Хорошо, – почти прошептала Исида и направилась к группе хранительниц в плащах цвета сапфира, до этого безучастно наблюдавших за всем происходящим. При её приближении они разом, словно по команде, повернулись в её сторону и склонили головы в почтительном жесте.

– Готовьте поступь Бога... – как всегда ни один мускул не дёрнулся на их лицах, глаза остались такими же холодными и отрешёнными. Их доспехи, единственные в ордена, которые жили своей жизнью и не были связаны определённой формой, диктуемой носящей их хранительницей, задвигались и на миг приобрели не обычное – полуаморфное состояние, а определённую форму, когда можно было увидеть даже их составляющие – нити. Исида пошатнулась от мощного ментального удара, который нёс в себе многое: желание узнать, для чего нужно использование такой силы, неопределённость и, даже, толику страха за себя и своего

симбионта. Не в состоянии противостоять такому напору, барьеры, рассчитанные именно на такие атаки, рухнули, и Исиду пронзила боль. Впрочем, она тут же исчезла – нити узнали всё, что хотели, как и те двенадцать женщин, что являлись их «хозяйками». Сразу же потерявшие к хранильнице всяческий интерес, сапфировые плащи начали выводить на песке какие-то руны. Их тут же заносило песком, но на этом месте расцветало разноцветными красками пламя, в точности повторяющее их очертания. От доспехов хранильниц начали исходить волны вибраций, вызванные нитями и усиливающиеся с каждым разом. Исида ощутила присутствие сил, природу которых она понимала, но никогда не стала бы пробовать подчинить их себе.

«Они словно неживые, может, они действительно уже не люди? Хотя, кто знает, может, нити дали им большее, после того как стали их симбионтами? Ту же вечную жизнь и почти полную неуязвимость? Даже преподобная не смогла бы уничтожить любую из них...» – эта мысль возникала у неё всякий раз, когда она видела представительниц ритуального круга матери с их безучастным отношением ко всему окружающему и готовностью выполнять любые приказы, отданные им матерью или одной из дочерей ордена. Очередная волна силы, вызванная приготовлениями, заставила её отступить на несколько шагов. Нити, непривычные к заклинаниям высшей магии, начали протестовать, и Исиде пришлось уступить.

Тем временем ритуальный круг приобрёл законченную форму гексаграммы с хранильницами на её вершинах и на пересечении воображаемых линий. Между ними проявились линии силы, выглядевшие как темно-синие лучи, повторяющие очертания этой геометрической фигуры и замыкающие её вершины так, чтобы она оказалась внутри правильного шестиугольника. Двенадцать символов на песке зажглись нестерпимо ярко и, переместившись по одному к каждой хранильнице, зависли над ними, медленно вращаясь и сменив цвет на золотой. Тринадцатый символ, оказавшийся точно в центре образованной фигуры и уже приобретший цвет серебра, выбросил такого же цвета лучи в каждую из остальных рун. Зрелище было настолько прекрасным, что Исида не могла оторвать взгляд от него, но спиной ощутила Бездну и резко обернулась.

* * *

Вызов повелителя отнял у Сианы последние силы. Стоя на коленях, она сняла шлем и невольно опустила взгляд на прекрасно огранённый камень, напоминающий по цвету рубин. Увиденное не вселило в неё надежду. Камень наг, в отличие от его обычного состояния, когда он был полон нитей и мерно пульсировал в такт её сердцу ровным красноватым светом, был тусклым и как будто неживым. Грани его, как будто, заострились ещё больше и стали темными, почти черными. Только в глубине его ещё теплилась искорка силы, которой по её подсчётам хватило бы на десять – одиннадцать самых слабых заклинаний. А что ждёт её впереди ещё неизвестно. Те, кто пробовал пройти испытание до неё, встречались с различными порождениями ям: геасми, ралкса, хевирдио и другими. Кто же встретится ей? Неважно кто – только бы у меня осталось ещё минут пять, думала она. Доспехи её, привычные к подобным ситуациям, уже убрали все следы ожогов, сняли усталость и придали бодрости не знавшему отдыха уже трое суток телу. Хранильница заглянула в мир иначе. Вокруг сразу потемнело, солнце перестало слепить и приобрело зеленоватый оттенок, песок стал абсолютно белым. Исчезли тени, что сделало контуры предметов резкими. Она обвела взглядом открывшуюся ей панораму, в надежде обнаружить хоть часть нитей, но её ждала там лишь россыпь черных пятен Силы, которые станут нитями, в лучшем случае, спустя лет триста. Разочарованно вздохнув, она поднялась на ноги и сделала шаг вперёд. Сзади дохнуло мертвенным холодом, и она кожей ощутила прикосновение Бездны. «Шаудер!», – вспыхнула в её сознании мысль и тут же сменилась обречённостью.

– Я никогда не смогу победить его без настоящей магии, а той силы из камня наг и заклинаний, вложенных в доспехи, никогда не хватит, чтобы поставить точку в существовании этого исчадия, – она произнесла это вслух, догадываясь, что мать её услышит.

– Ты права, смертная, придётся тебе отдать мне то, зачем я пришёл, и тогда твоя смерть будет очень и очень быстрой, – обладавший отменным слухом шаудер услышал её. Он уже полностью выбрался из портала и предстал во всей своей отталкивающей, нечеловеческой красоте.

– Всем известно, что древние и их создания не держат своего слова, зачем мне снова испытывать судьбу многих людей и нелюдей, доверившихся вам? – в голосе Сианы звучала отрешённость.

– Откуда ты знаешь, хранительница? Может быть, я не такой как остальные, ведь даже Боги индивидуальны. А мы, как известно, созданы из их крови, – шаудер повёл сразу всеми своими шестью лапами, в которых были зажаты клинки странной, необъяснимой формы.

– Все равно я скоро погибну, мы оба это знаем. Кодекс предписывает мне сделать всё возможное, чтобы не отдать реликвию. Ведь ты за этим пришёл?! – в руке Сианы возник слегка изогнутый жезл, сиявший так, что солнце на его фоне потускнело, – ты его не получишь, пока я жива! Всё оказалось не так просто, как ты предполагал, – Сиана усмехнулась.

– Это даже лучше. Ты знаешь, что мы были созданы для битв, но ты не знаешь, что сделал наш создатель. Так как ты скоро умрёшь, я расскажу тебе. Что ты знаешь о Безумном Боге, представительница изумрудного круга? – шаудер раздражал Сиану своей учтивостью, она никак не вязалась с его отталкивающим видом.

– Можешь не отвечать, главное, что он действительно безумен, и я, и подобные мне проклинаят его каждый миг своего существования. Боль, понятная лишь Богам – неотъемлемая часть нашей жизни. Лишь только когда мы исполняем его волю, она уходит, именно поэтому сейчас я не чувствую её. Но я не могу этому воспротивиться, потому что если я принесу ему то, что нужно, он избавит меня и, может быть, даже весь мой род от этого проклятия.

– Если я убью тебя, то тоже смогу избавиться от вечной боли, – съязвила хранительница.

– Но не мой род. Если бы я был один, то, быть может, и согласился. Но так как у тебя есть то, что может принести нам избавление... – шаудер мгновенно оказался рядом с Сианой. Она даже не успела удивиться до того, как тьма поглотила её.

* * *

Исида, стоя на вершине бархана, наблюдала, как шаудер обрушился на Сиану и подмял её под себя. Несколько секунд, показавшихся ей вечностью, и он выпрямился, держа жезл. Крик ликования донёсся до её ушей. Послышался шелест песка, она обернулась и увидела, как мать очень быстро идёт к своему ритуальному кругу. Она снова взглянула в сторону гиганта. Он наклонился над Сианой, держа в руках один из подобранных клинков. Короткий замах и... Оружие разлетелось вдребезги. То, что происходило дальше, повергло Исиду в настоящий шок. Шаудер, получавший удары невероятной силы и отлетавший при этом на порядочное расстояние, чаще всего даже не успевал упасть до того, как получал новый сокрушительный удар. Все его попытки заблокировать или хотя бы ослабить их, оказывались безрезультатными. Всё это напоминало Исиде игры со временем, но она также прекрасно была осведомлена насчёт возможностей Сианы, поэтому игры исключались. Скорость движения хранительницы возросла до необъяснимой величины. Знакомая не понаслышке со способностями сестёр своего ордена, она не могла найти объяснения происходящему. В результате долгих изнурительных тренировок, воздействия магии, освоенной хранительницами принципиально новой технике боя и изначальных природных способностей, все они могли двигаться и сражаться с необъяснимой обычному человеку скоростью. За отрезок времени в секунду она сама могла пробежать более ста метров и убить не одного человека. Но такого она не видела никогда. Скорость Сианы пре-

восходила её собственную на порядок, а, являясь одной из лучших, Исида просто не могла вообразить себе, что когда-либо достигнет уровня, который сейчас демонстрировала ей обладательница, всего лишь изумрудного плаща. Желая приблизиться к разгадке, она посмотрела в мир иначе. Песок стал белым, а светило излучало теперь зеленоватый свет. Предметы заострились потому, что тени исчезли. Все, кроме одной. Вместо Сианы её взору предстало что-то, отдалённо напоминающее контурами человеческую фигуру, в основном, благодаря её расплывчатым очертаниям. Фигуру, словно сотканную из множества теней. От темно-серых до абсолютно чёрных. И они были как будто живые...

Нити! Догадка поразила её; такого их количества она никогда не видела, да и не могла даже представить. Но откуда? И Сиана ли это убивает там шаудера, или нечто неизвестное. Тихий голос из ниоткуда мягко коснулся её слуха и еле слышно прошептал: «Тот, кто прячется». Видимо, и хранительницы, и мать ордена слышали то же самое. Но было уже поздно. Адский грохот возвестил о том, что заклинание готово. Тонны пыли, поднятые в воздух ударом колоссальной мощи, заслонили от Исиды происходящее. Изменения, вызванные применением заклинания высшей магии, исказили другой мир до неузнаваемости. Теперь он больше напоминал первозданный хаос, и Исида не в силах разобрать в нём что-либо, покинула его. Происходящее в реальном мире теперь немногим отличалось от того, что она видела только что. Ландшафт изменился – ровную поверхность песка в месте, куда мать направила полученную от своего ритуального круга силу, исказил огромный кратер неправильной формы, напоминающий скорее чью-то четырёхпалую лапу гигантских размеров. Шаудер же и Сиана, казалось, не замечали происходящего вокруг. Каким-то чудом ни его, ни хранительницу не задело направленное на них одно из самых чудовищных заклинаний высшей магии.

Сиана, наступив на горло поверженного и уже не сопротивляющегося противника, снова обхватила обеими руками рукоять сплетённого нитями меча и занесла его над головой. В её движениях читалась внутренняя борьба, словно кто-то извне пытался заставить её опустить клинок, а она сопротивлялась этому изо всех сил.

– Убей меня, – лежащий перед Сианой шаудер скорее простонал, чем проговорил, – всё равно я не могу возвращаться. Меня победил человек. Это позор для всего моего рода.

– Нет! – На лице Сианы отражалась внутренняя борьба.

– Убей меня, я бы тебя не пощадил, смертная... – шаудер словно насмехался над хранительницей, и это выводило последнюю из себя.

– Нет!

– Убей! – его голос действовал на неё гипнотически, требуя того же, что и кто-то, пытающийся управлять ею.

– Нет!!! – её рука дрогнула, и меч вошёл в песок рядом с головой Шаудера почти по рукоять. Она выпустила её, и нити, образующие сам меч, распались. Опустошённая хранительница опустилась на колени. Отбросив в сторону шлем, и немного ослабив крепления доспехов, она взглянула на побеждённого.

Истекающий кровью, безоружный, с двумя сломанными, висевшими словно плети руками, он, всё равно, одним своим видом навевал страх. Ростом более двух с половиной метров он выглядел просто гигантом по сравнению с Сианой. Лапы, каждая намного толще её собственных ног, заканчивающиеся шестипалыми ступнями, немного подрагивали, что было следствием долгого перенапряжения. Грудь высоко вздымалась при каждом вдохе, ещё больше увеличивая её и без того огромные размеры. Темно-коричневая кожа блестела от пота, а хитиновые пластины на груди и бёдрах потеряли обычно свойственный им блеск.

– Скажи мне, хранительница, почему ты пощадил меня? Ведь воплощение Того, кто прячется, требовало моей смерти. Убить тебя теперь для любого из нас будет величайшей честью! Почему же ты снова даёшь мне этот шанс? – вопреки своим словам, шаудер не делал

никаких попыток напасть. – Ведь тогда его новое воплощение появится не раньше, чем через тысячу лет.

Сиана отлично знала историю Того, кто прячется. Шесть тысяч лет назад, когда были уничтожены последние очаги сопротивления древних рас и орден водрузил свои знамёна на всех континентах Шаэдара, Дэон – отец ордена, отправился к забытым гробницам, чтобы раз и навсегда отрезать путь из нижних миров в Шаэдар. Вместе с ним отправились и двое его детей, также отдавших жизнь служению ордену. Но вышло не совсем так, как он предполагал. Древние Боги прокляли его, и он получил могущество, сравнимое с их могуществом, что, конечно же, не могло не пойти вразрез с законами Равновесия, и должно было повлечь его неминуемую гибель. Дэону был дан выбор – умереть или уйти в гробницу Богов – место, где нет ни времени, ни пространства, но которое, тем не менее, существует. Но он выбрал иной путь – путь перевоплощений. Равновесие не уничтожило его, ибо этот путь мог выбрать каждый из Богов, не обязательно представителей древних, но прокляло, понимая, что если он пройдёт весь избранный им путь, он может нарушить сущность самого Равновесия. Тогда в мироздании не останется силы, способной сохранить его в случае второй великой войны Богов. Орден, узнавший о случившемся, предал его анафеме, что не могло не вызвать внутренних раздоров, повлёкших за собой войны реформации и приведших к его ослаблению. Трижды проклятый новый Бог, испытывая невероятные муки, более сотни лет искал человека, который смог бы стать его первым воплощением. Он поклялся, что уничтожит всех представителей древних рас и всех обитателей нижних миров. Этому боялся и этот шаудер, и подобные ему существа. Но человеческое тело легко уязвимо и, пройдя два-три воплощения, ему приходилось всё начинать заново. Если бы ему удалось закончить, то он стал бы неподвластен законам Равновесия и мог бы являться во всех сферах в своём истинном облики, наделённый таким же могуществом, что имел бы в высших сферах.

Неизвестно что бы сделал Тот, кто прячется, обладая таким могуществом, но Сиана уже не сомневалась, что дни её сочтены. То, что он использовал часть великой силы, показывало, что он уже достаточно силён и готов на все, чтобы защитить тело, ставшее его временным пристанищем. Орден же не допустит завершения цикла и, как следствие, попытается убить её – Сиану. Не подчиниться закону, выполнения которого от неё неизбежно потребуют, значило возможность поставить весь человеческий род на грань вымирания. Но она не хотела умирать! Ещё не познавшая жизнь, но уже закалённая в многочисленных схватках, она хотела жить. Что делать...

– Первая дочь идёт сюда, тебе надо что-то решать, – казалось, шаудер чувствовал внутренние муки хранительницы. – Сегодня меня победила не ты. Сегодня меня победил Тот, кто прячется. И только благодаря тебе я ещё жив. Люди слепы и никогда не видели в нас, или не хотели замечать то, что нам свойственно. С этого момента моя жизнь принадлежит тебе, мы связаны одной нитью, и когда будет грозить опасность, вспомни обо мне. Меня зовут Теллур, хранительница. А сейчас мне нужно уходить. Я очень сильно сомневаюсь, что эта прекрасная девушка меня не добьёт.

– Сиана, хранительница жезла Безумного Бога, изумрудный плащ, – представилась Сиана, усмехнувшись юмору, который так сильно не вязался с отталкивающей внешностью шаудера, – куда ты теперь?

– В нижние миры, – голос Теллура, шагнувшего в сотворённый им портал, донёсся до ушей хранительницы словно через густой туман, вместе с шелестом воздуха от закрывающегося прохода.

Немного повернув голову вправо, она увидела бегущую Исиду и, чуть дальше, мать ордена. Её ритуальный круг так и остался на месте, как всегда безучастный ко всему происходящему. Солнце, наконец, собрало свои силы и нанесло удар по голове Сианы, от которого та провалилась в спасительную тьму.

Глава I. «Начало»

Резиденцию ордена можно было назвать одним из величайших сооружений, созданных человеком. Раскинувшийся на равнине Саграм и занимающий площадь более двадцати квадратных километров, дворец внушал благоговейный трепет любому увидевшему его. Созданная более шести с половиной тысячелетий назад, когда уже всем было понятно, что расы древних Богов вскоре будут уничтожены, Резиденция стала своеобразным символом могущества расы, наряду с дворцом императора и поясом неприступности.

За четыреста тридцать лет до его создания, когда ценой колоссальных потерь людьми была уничтожена раса наг, что явилось переломным моментом в истории этой войны, и, как следствие, был открыт доступ к городу Шидей, хранительницы получили самое важное в истории своего ордена – камни наг. Эти камни, обладавшие уникальными свойствами впитывать окружающее их нити и превращать их в силу, стали одной из весомых причин начала Войн Реформации. Деление ордена, представлявшего до этого двойственный союз, стало не нужным, и женщины, как более восприимчивые к магии, теперь не затрачивали драгоценное время на подготовку заклинаний, большую часть которого занимала именно трансформация нитей. Также свойства камней позволили им лучше понять природу самих нитей и создать идеальные доспехи.

Доспехи хранительниц преобразились и стали вскоре не чем иным, как нитями, которым придали определённую форму и научили понимать хозяина. Немного изменив структуру, хранительницы придали им невероятную прочность – обычное оружие почти не брало их. Помимо этого сами составляющие – нити мало потеряли от своих первоначальных свойств. Это позволило ордену накладывать на доспехи различные, уже готовые к использованию заклинания, которые нити могли использовать и по своему усмотрению. Также доспехи позволили носителю формировать из некоторого количества нитей, которые были частью доспехов, но в то же время служили только для этой цели, оружие и щиты. А также другие приспособления, помогающие в бою.

Тогда же хранительницам впервые удалось сплести мориту – легендарное оружие вестников. Отличительной особенностью мориты является её проникающее действие. Любые сплавы резались ею словно бумага. Цель, не способная противостоять магии, обречена. Именно поэтому в споре искусства владения моритой и изучением боевой магии, морита ставилась хранительницами на первое место.

Спустя сотню лет орден сделал другое важное открытие – научился делать камни наг. В год тысяча триста седьмой летоисчисления орды Шандара наголову разбили превосходящие их силы армии императора неподалёку от Хеврона и вырвались на просторы империи. Через три недели они вышли на равнину Саграм и осадили крепость Иллари, находившуюся в те незапамятные времена на месте, где сейчас раскинулась Резиденция ордена. На следующий день войска Шандара заняли внешнюю крепостную стену и, убив первую дочь ордена при штурме хранилища, завладели несколькими реликвиями, среди которых оказалось и кольцо повелевающего мёртвыми. Именно тогда мать ордена начала ритуал Дил Эрга. Ещё через сутки, оставив под внутренней стеной своих последних солдат, Шандар надел кольцо и поднял армию мёртвых. Мать Хиэша, понимая, что если он доберётся до всех реликвий ордена, то в книге человечества можно писать последнюю главу, закончила ритуал и призвала Бога. Дил Эрг уничтожил Шандара и мёртвых, которым он дал подобие жизни, отдал обратно свои семь мечей ордену и исчез вместе с Хиэшей. Тысячи лет уже страдает она в его обители и ждёт того, кто выполнит такой же ритуал и заменит её.

После этих событий хранительницы уничтожили ещё дымящиеся остатки некогда великой крепости, и за четыре дня сплели величайший за всю историю камень наг, который и стал

в будущем их новой Резиденцией. Ещё около десяти лет там трудились каменотёсы, резчики, архитекторы и ювелиры со всего Ахерона, придавая Резиденции сегодняшнее величие и блеск. Камень наг колоссальных размеров впитывает в себя всю силу нитей, находящихся в радиусе многих километров и по сей день, не позволяя кому-либо, кроме матери и её круга, использовать величайший источник магии без позволения преподобной. Стены сто двадцатиметровой высоты из блоков каменоломен города Нетер, покрытые нитями, обработанными так же, как и доспехи хранительниц, защищают его от разрушительного действия любых осадных орудий, а артиллерия, размещённая на вершинах башен, опоясывающих Резиденцию, могут размещать любые сооружения, которые захочет возвести противник. Над самим дворцом постоянно видны пролетающие тиэри – полуразумные рептилии огромных размеров, служащие хранительницам.

Сегодня их было особенно много, а сама Резиденция, обычно тихая и спокойная, напоминала разбуженный муравейник.

23 Мая 6349 года Летоисчисления.

Эра Предначертаний. Полдень

Ахерон. Равнина Саграм. Резиденция Ордена

Исида, распахнув двери палаты советов, чуть не оглохла от гула множества голосов, усиленных благодаря особому строению помещения. Доспехи, покрытые налипшей грязью, сияли великолепием золотого сияния нагрудника и блеском вкраплений драгоценных камней, в преимуществе своём – рубинов. Серые стражи, стоявшие по обеим сторонам дверей, ответили на её приветствие лёгким наклоном головы. Хранительницы, находившиеся в зале, сразу же замолчали и встали со своих мест. Шум стих и воцарилась оглушающая тишина. Обведя взглядом всех присутствующих, первая дочь прошла к восьми тронам, возвышающимся в центре своеобразного полукруга, образованного рядами сидений, на которых восседали остальные приглашённые. Заняв своё место по правую руку от Матери и слева от Эсткарха – главы ордена Служителей, Исида положила руки на подлокотники трона и откинулась назад, приготовившись слушать.

Мать встала со своего места и, немного подавшись вперёд, обратилась ко всем присутствующим в зале.

– Приветствую вас, славные дочери и сыновья ордена. Наверное, все вы, присутствующее сегодня здесь, в этом зале, спрашиваете себя о причинах сегодняшнего собрания. Сразу хочу сказать вам, что общий сбор был объявлен мною ввиду того, что сообщение Эсткарха – главы служителей должно заинтересовать нас всех. Рассказанное им вызвало у меня крайнее замешательство, и я попросила его поделиться новостью и с вами.

Эсткарх, мужчина преклонных лет, одетый в абсолютно чёрную, ниспадающую до пола мантию, чем разительно отличался от всех присутствующих, с накинутым на голову капюшоном, из-под которого виднелась лишь часть гладко выбритого подбородка, немного привстал с видимым усилием. Но тут же снова опустился на трон, такого же абсолютно чёрного цвета, словно слившись с ним в единое целое. Когда он начал говорить, голос его, немного низкий, но приятный на слух и совсем не вязавшийся с обликом старца, показался Исиде каким-то отрешённым, словно он думал совершенно не о том, о чём говорил.

– Два дня назад я собрал круг служителей для того, чтобы как обычно осмотреть наш мир. Вы все знаете, чему мы служим, и для чего вообще образовался наш орден. Пять тысяч лет мы верой и правдой служили Ахерону и предупреждали его о возможных нашествиях, катаклизмах, войнах и прочих несчастьях. Вы знаете, для чего был образован тройственный союз. Мы служили Равновесию, но... Два дня назад чаша его весов очень сильно наклонилась в сторону хаоса. Мы пытались найти причины, но нам не удалось этого сделать, пока ваша мать – преподобная Аннаа, не открыла их.

Когда одна чаша сильно перевешивает другую, всегда случается то, с чем мы все обязаны бороться. И это случилось. В ста двадцати километрах западнее цитадели Вакхам нами была обнаружена колония Недеров.

В зале поднялся шум, сравнимый с шумом водопада, низвергающегося с большой высоты. Исида попыталась отгородиться от происходящего, но нити не давали этого сделать. Первая дочь, в отличие от всех, исключая, пожалуй, только Эсткарха, осталась глуха к происходящему вокруг. Она не сомневалась, что подобное когда-либо произойдёт. Воспоминания унесли её к событиям, произошедшим более трёхсот лет назад, во время, когда сама она носила оранжевый плащ и грезила о подвигах не менее ярких, чем подвиги тех, чьи статуи из благородных металлов, украшенных драгоценными камнями, стояли сейчас в зале славы. Она вспомнила момент, когда впервые увидела Сиану. Момент, когда поступила вопреки законам ордена. Когда отказалась пойти на убийство ребёнка, который не мог ещё даже ходить. Она никогда не сможет этого забыть. Эти воспоминания всегда оставляли в душе Исиды мутный осадок, заставляя делать всё, чтобы этот поступок не повлёк за собой последствия, подобные тем, что произошли позавчера. Воспоминания нахлынули на неё с новой силой, заставляя вновь почувствовать то, что хранительница так долго силилась забыть.

Небольшая рыбацкая деревенька, названия которой не было даже на картах Ахерона, расположенная на берегу моря Памяти и окружённая со всех сторон непроходимыми горами Сат-тэ, как и все побережье, встретила тогда её полным безмолвием. Как и почти на всём протяжении береговой линии империи, попасть туда осенью можно было только по воде, как это сделала и Исида, обладательница оранжевого плаща, хранительница Печати Сат-тэ. Ужасные войны, бушевавшие тысячи лет назад, видимо, всегда обходили этот мрачный уголок и не оставили своих ужасных следов на этом девственном ландшафте. Единственное напоминание о тех страшных днях находилось прямо в центре деревни и представляло собой уродливую статую того самого божества, хранительницей печати которого она и была.

Лёгкий толчок, возникший, когда торговый корабль с гордо развевающимся флагом Ахерона задел своим бортом полуразвалившуюся пристань, и Исида пружинисто спрыгнула на дощатый настил причала. Навстречу выскочили несколько детей, самому взрослому из которых не было и пяти лет и, широко распахнув глаза, уставились на неё. Это повторялось почти везде, и хранительница перестала обращать внимание на такие вещи, но её поразило то, что в глазах этих детей плескались не свойственные такому возрасту ненависть и жестокость. Не понимая, чем вызвала их неприязнь, и, желая завоевать их расположение, Исида достала несколько золотых монет с гербом Ахерона и, присев на корточки, протянула ладонь к ним. Но это лишь заставило их отступить от неё подальше. Через несколько минут, на протяжении которых никто не шелухнулся и не издал ни звука, дети, словно по команде, развернулись и убежали в сторону статуи Сат-тэ, где остановились и, судя по отрывкам фраз на непонятном ей языке, начали что-то обсуждать, бурно жестикулируя. Осознав, что понимания от них не добиться, Исида встала и поискала глазами более-менее приличное жилище, но везде её встречал лишь дух крайней нищеты и заброшенности. Глубоко вздохнув, она обернулась в сторону пристани. Матросы доставившего её судна выгружали на берег наполненные чем-то бочки. У Исиды оставалось немного времени на поиски, поэтому хранительница подошла к ближайшей лачуге и откинула полог, закрывающий вход. Четыре деревянных миски, медный котёл с остатками пищи, над которым роем кружились насекомые-падальщики, несколько затёртых от бесконечного использования циновок и покрытые плесенью, выпотрошенные внутренности рыб – всё, что предстало перед её взором. Перекосившись от отвращения, Исида заглянула в соседние домики, но везде её встречала примерно та же картина, что и в первой. Обойдя уже более половины домов, она услышала за спиной шаги.

– Извините, почтенная. Мне не положено спрашивать, но, тем не менее, я решил поинтересоваться. Кого вы собираетесь найти здесь кроме этих малолетних демонов, что кружат

вокруг той статуи, – мужчина средних лет, капитан судна, прижал кулак правой руки к сердцу, а ладонь левой к животу, приветствуя её.

– Кого-нибудь из родителей этих несчастных детей, которых вы называете демонами. Почему вы так нелестно о них отзываетесь?

– Полгода назад, когда мы пришли сюда в первый раз, эти «дети» забили насмерть моего помощника, решившего поближе рассмотреть статую, за неимением других каких-либо достопримечательностей. Мы слышали крики, но не придали им значения, так как посчитали, что он играет с детьми. Знаете ли... Он их очень любил... Когда мы нашли то, что от него осталось, у нас волосы на голове зашевелились. Его как будто растоптало что-то огромное... Как эта статуя.

– А почему вы решили, что это сделали дети?

– Мы потом увидели их... Детей... На их лицах было написано счастье и умиротворение. И они все, с ног до головы были в крови.

– Что вы тогда сделали?

– Ничего. Собрались и ушли в море, где и похоронили нашего брата... Моего брата, – последние слова он произнёс с явной дрожью в голосе. Было видно, что воспоминания об этом доставляют ему сильную душевную боль.

– Я сожалею, капитан, о вашей потере. Скажите мне, есть ли в этой деревне взрослые? Если вы хотите уйти в море вовремя...

– Да, есть. Но только один... Эта статуя, – и капитан разразился безумным смехом. – Они все возвращаются далеко за полночь со своего промысла. На обратном пути мы снова зайдём сюда и заберём груз сушёной рыбы. Это единственный источник дохода для этих людей. Так что вам придётся ждать ночи, чтобы увидеть их, а я не смогу заставить своих матросов остаться здесь более чем на час после того, как они выгрузят всё на берег. Слишком уж негостеприимны эти места, – Исида показалось, что капитан чего-то не договаривает.

– Вы что-то скрываете от меня, капитан. Мне не хотелось бы вершить суд по законам нашего ордена и империи, поэтому я прошу вас добровольно рассказать мне всё, не заставляя прибегать к крайним мерам, – в голосе Икиды послышались металлические нотки.

– Мне больше нечего рассказать вам, к сожалению, – лицо капитана сделалось бледным, и на лбу выступили капли пота.

– Нечего... Ну что ж, ладно, идите, – голос Икиды смягчился, но всё равно не предвещал ничего хорошего, – и последнее. Не вздумайте отчалить без меня. Эта попытка вам дорого обойдётся. Надеюсь, вы понимаете меня?

– Да, конечно, почтенная. Я могу идти? – Исида показалась смешной раболепность этого не перестающего низко кланяться и заискивающе смотреть на неё человека.

– Можете.

Разговор с этим человеком объяснил ей отсутствие взрослых в этой деревне, но также породил множество других вопросов. Как эти маленькие существа могли, по словам капитана, буквально растоптать взрослого мужчину, тем более вооружённого? С другой стороны – было видно, что капитан судна что-то не договаривает, но, что? И, последнее – что делать ей, Исиде, возвращаться на корабль или попробовать провести ритуал познания без присутствия взрослых?

Отлично зная, что тех, кто мог бы служить ордену, с каждым циклом становилось всё меньше, а нужны они были всё больше, Исида решила на второе. Для этого надо было найти ровную площадку, желательна похожую на квадрат со сторонами не менее шести метров и начертить на песке символы, которые должны были помочь ей. Во всех городах и деревнях, встреченных ею, всё это делали сами жители города, для которых служение Ордену их детей было величайшей честью. Но здесь всё было иначе, поэтому приходилось всё делать самой.

Часа через три всё было готово. Омрачало обстановку только отсутствие тех, кто должен был пройти ритуал и тех, кто являлся их родителями.

И... отсутствие настроения в предвкушении праздника. Неотъемлемая часть ритуала. Скорее, всё это навевало мысли об одиночестве. С тех пор, когда она сама прошла аналогичный ритуал и надела ученическую мантию, прошло более трёхсот лет. Её родители умерли, а радужные мечты о будущей семье, любящем муже и куче детишек умерли вместе с ними. Все знали, что хранительницы почти бессмертны и сохраняют молодость на протяжении многих веков. И именно за это сестёр их ордена и ненавидели все остальные. Но немногие понимали, что это лишает ещё большего. О, Боги! Если так думает она, ещё сравнительно молодая, как же должна чувствовать себя преподобная мать! Ведь ей уже не одна тысяча лет! Сейчас у Матери нет никого из близких, кроме сестёр ордена, заменивших ей всё. Ну и, возможно, серых стражей. Но они, хотя и являются неотъемлемой частью организации, напоминают скорее не людей, а манекены в зале для тренировок, за несколькими, исчезающими на общем фоне, исключениями. Она даже и лица их видит очень редко! Неужели из тех мальчишек, что привозят с собой хранительницы в плащах её цвета, получают те, кто напоминает людей лишь своим обликом?!

В поле зрения Исида появилась все та же группа детей с зажатými в руках ножами довольно устрашающего вида. Сейчас они были похожи на кукол-марионеток и напевали какой-то тягучий мотив на непонятном ей языке. Что это за язык? Хелах – ахе, Хелах – ахе... Где же она слышала похожее? Мысль пронзила её молнией – забытый тысячелетия назад язык! Язык Сат-гэ! Группа марионеток остановилась, и вперёд вышел на вид самый старший из них. Его губы с трудом разжались, и она услышала голос, похожий на скрип корабельной палубы во время шторма.

– Что привело тебя сюда, смертная? Неужели желание поклониться последней святыне Богини вод? Последней святыне в этом негостеприимном мире? Не удивляйся, с тобой говорю именно я, а не кто-то другой, – хранительницу пробрала дрожь. Исида не сомневалась, что сама Богиня разговаривает с ней.

– Но... Как? – единственное, что смогла выдавить из себя шокированная происходящим Исида.

– Довольно просто. Ты знаешь, что присутствие невероятного количества нитей в довольно малом объёме пространства, вызывает сильнейшую деформацию последнего. Как следствие – имея некоторые навыки управления пространством, двери в другие миры, ямы и сферы можно открыть. Для тебя это только теория, но это неважно. Важно то, что мне удалось открыть двери даже в гробницу Богов, где, как тебе отлично известно, я сейчас и пребываю. Моя статуя, символ моего былого могущества, так опрометчиво не уничтоженная людьми во время Великой Войны, явилась своеобразным маяком для меня, а ты заставила кое-кого открыться, – дикий смех, похожий на скрежет давно не смазываемых дверных петель, прокатился по берегу. – Ты почти нашла Того, кто прячется!

– Почему ты рассказываешь мне всё это? – Исида была в явном замешательстве.

– Потому, что я чувствую – у тебя есть моя печать, и если ты подойдёшь к моему символу и...

– Нет! Этого я не сделаю!

– Почему? Ты боишься меня? Это не повлечёт за собой никаких страшных для вас последствий, – хранительница очень сильно пожалела в этот момент о том, что голос Богини не выражал никаких эмоций. Ей очень сложно было понять, говорит ли та правду или, как это свойственно представителям древних рас, вводит в заблуждение.

– Ты сможешь тогда использовать вестника, наделить его частью своей силы и вдохнуть в него жизнь! – Исида почти выкрикивала слова, хотя ни секунды не сомневалась в том, что её услышат, даже если она будет говорить шёпотом.

– Я и сделаю это! Но только лишь для того, чтобы умереть. Теперь уже навсегда! Это последнее, что держит меня в Шаэдаре!

– А может быть, всё это не является всей правдой?

– Что ты можешь знать, смертная? Когда вы только появились и бегали в звериных шкурах, размахивая каменными топорами, моя раса уже более десяти тысяч лет властвовала в этих водах. Древние расы сражались за место под солнцем, безжалостно уничтожая всех непохожих на них, в то время, когда мы были в стороне. На берегах этого богатого моря мои дети множились и процветали. Их города на дне моря были полны сокровищ и знаний, за мельчайшую частицу которых многие готовы были идти навечно в услужение к ним. Мои дети познали даже бессмертие.

Это повлекло деградацию. Новые особи больше не рождались, а живущие иногда погибали, тем самым уменьшая общую численность... Причин было много, например, несчастные случаи, жертвоприношения... Мне пришлось наказать их, но вместо желаемого мною эффекта я получила нечто совершенно другое. Культ Сат-тэ получил новый толчок и... Кровь, много крови. Жрецы трактовали мои знамения по-своему, так, как нужно было им, и я потеряла связь со своим народом. Последний мой отчаянный шаг – объявление войны одной из фракций. Я считала, что война заставит их стряхнуть оцепенение, но жрецы Сат-тэ, прожившие уже не одну тысячу лет и считавшие себя почти Богами, обрекли мой народ на вымирание. Мои дети и раньше выходили на сушу, но старались не задерживаться там. Непривычная тяжесть и неприспособленность к таким условиям были ужасны для них... Жрецы, используя полученные от меня знания, изменили их. Через несколько лет на всем протяжении берегов моря, которое вы называете морем Памяти, были наши поселения. И только в одном из них – в этом, была моя святыня. Здесь проводились одни из самых кровавых жертвоприношений. Именно здесь, спустя ещё три тысячи лет, произошёл последний бой между людьми и последними из моих творений. Я отрёклась от них задолго до этого, что заставило их уничтожить все напоминания обо мне в своих городах, и, как следствие, магия жрецов ослабла и более не могла ничего противопоставить вашей. Именно здесь, у подножия моей статуи, и покоятся останки этих последних шестерых служителей Сат-тэ, превратностями судьбы защищавших ту, кто обрёл их на гибель. Именно они вставили тогда печать и попробовали заставить меня сражаться на их стороне. Ты знаешь, смертная... Я бы сразилась. Сразилась бы несмотря на то, что они обрекли меня на медленную смерть, подобную медленному угасанию расы Сат-тэ. Но одна из вас, носившая такой же, как и ты, оранжевый плащ, помешала этому. Теперь печать у тебя, и я прошу тебя вдохнуть в статую жизнь. Я хочу умереть. Навсегда.

Взамен я покажу тебе воплощение Того, кто прячется.

– Я не могу. Кодекс запрещает мне это.

– Решай сама. Я не в состоянии больше повелевать оракулом. Я ухожу. Но напоследок, хранительница, я скажу тебе, что мои жрецы не умерли. Они научились очень многому... Именно их души меняют целые поколения живущих здесь. Эти дети – результат такого воздействия... Решай... Но только быстрее – скоро тьма опустится на эти берега, и тогда ты сможешь сама увидеть их... Но уверяю – зрелище тебе очень не понравится.

Ребёнок, чьими устами говорила Сат-тэ, в изнеможении упал и постарался отползти подальше. Исида только краем глаза взглянула на него, её заботило сейчас совершенно другое.

Момент, когда она нарушила кодекс, врезался в её память стальной иглой. Печать, выгравированная как небольшая золотая пластина с аккуратными рядами маленького убористого текста на древнем языке, идеально подошла к углублению на постаменте. Она вздрогнула, когда чьи-то невидимые руки коснулись её, пытаясь остановить, но это продолжалось одно мгновение. Когда она вставила печать на предназначенное ей тысячелетия назад неизвестным скульптором место, руки исчезли, а каменное изваяние древней Богини открыло глаза. Исида воспринимала происходящее, словно во сне, как будто только глаза принадлежали ей, а остальное нет.

Камень, за десятки веков покрывшийся мхом и потрескавшийся во многих местах, словно возвращался назад во времени. Сначала с еле заметной глазу скоростью, затем с каждой секундой все больше ускоряясь. Прошло около часа, и крики птиц возвестили о приближении заката. Тени удлинлись, и сумрак все сильнее вытеснял остатки света, смазывая контуры зданий и уменьшая видимость. Корабельный колокол возвестил о наступлении темноты, и теперь только слабое голубоватое сияние, исходившее от статуи, немного разгоняло тьму вокруг. Камень уже превратился в небольшие, напоминающие рыбы, чешуйки, и Исида поняла, что превращение почти закончено. Наконец, затаившая дыхание хранительница увидела, как статуя зашевелилась.

Спеша отойти подальше, чтобы ненароком не оказаться на пути каменного гиганта, Исида попятилась назад. Изваяние Богини Сат-тэ медленно повернуло голову сначала в одну сторону, потом в другую, словно что-то высматривая. Нога двинулась вверх, словно нехотя, и остановилась. Богиня медленно ступила на песок и двинулась в сторону самой дальней лачуги на краю деревни, оставляя глубокие следы. Хранительница не решилась идти за ней и вернулась на берег к пристани, опасаясь, что корабль уйдёт в море, оставив её здесь. Опасения оказались напрасны, корабль был ещё пришвартован, но необычное для такого времени скопление матросов на палубе судна, насторожило её. Решив не удаляться далеко от берега и постоянно держать корабль в поле зрения, Исида осталась стоять на месте, где незадолго до этого она собиралась провести ритуал познания. Начерченное ею уже было полузасыпано песком, но восстановить не составило бы для неё большого труда. Через несколько минут, показавшихся ей вечностью, она услышала тяжёлые шаги. Она не сомневалась, что это приближается вестник Богини и обернулась. Это действительно был он. Неловкость движений, присущая каменному изваянию исчезла, и теперь сторонний наблюдатель не поверил бы в то, что раскачивающейся немного в стороны походкой, к нему приближалось что-то не живое. Но Исида не была сторонним наблюдателем, и даже лёгкость и некоторая изящность движений не могли обмануть её. Левая рука статуи была вытянута далеко в сторону и держала какой-то свёрток, в котором хранительница, по мере приближения Сат-тэ, всё более узнавала человеческие черты. Приблизившись к ней, статуя разлепила губы, и Исида услышала голос, напоминающий мелодичный звон колокольчиков. Очень приятный.

– Обещанное ждёт тебя, хранительница! – с этими словами статуя замахнулась и кинула свёрток в место, где и должен был находиться проходящий ритуал познания человек. Эффект был ужасным, но, в то же время, вселяющим гордость в сердце той, кто явилась его свидетелем. При падении свёрток, оказавшийся обычным, затёртым до дыр одеялом, раскрылся и обнажённая рука девочки, почему-то даже не проснувшейся при падении, коснулась символа «хи», являвшегося ключевым символом схемы, начерченной хранительницей.

Тишину разорвал раскат грома и небо мгновенно заволкло непроницаемыми черными тучами, скрывшими лунный свет, которого и так было очень мало. Сноп белого пламени, от которого слепило в глазах, осветил всё на сотни метров вокруг и тут же исчез. Исида ощутила присутствие силы невиданной мощи и замерла. Мысли в её голове пронеслись вихрем, она обдумывала, что делать дальше, а в это время Богиня уже удалялась в сторону близлежащих гор. Девочка, ставшая виновником всего происходящего, наконец, проснулась, и воцарившуюся на короткое время тишину, нарушаемую лишь плеском накатываемых волн и шумом лёгкого ветра, разорвал детский плач, полный невыразимой тоски и безысходности. Всё нарисованное хранительницей на песке, излучало свет. Каждый символ, каждая чёрточка переливались различными цветами и мерцали. Зрелище было безумно красивым, и у Исиды перехватило дыхание от восторга. Даже шесть полупрозрачных фигур, контурами отдалённо напоминающие человеческие, не сразу вернули её к действительности.

– Ты нашла его... Отдай нам ребёнка... Оставь его здесь... Оставь его... Оставь, – как будто ветер говорил с ней множеством голосов. Это были те самые шесть жрецов, о которых её предупреждала Сат-тэ, и они пытались говорить с ней.

– Зачем она вам?

– Когда он завершит цикл, то освободит нас... Не убивай его, отдай нам. Мы снова хотим жить, – хотя Исида с трудом разбирала сами слова, она чувствовала внутреннюю боль в голосах, говоривших с ней.

– Кодекс предписывает мне...

– Ты уже нарушила его...

– Но вторично я не могу этого делать! Слу... – она не успела договорить. Призраки вдруг растаяли, а до её слуха донёсся сильный удар и грохот падающих камней.

«...Я хочу умереть. Навсегда...», – в памяти хранительницы всплыли недавние слова Богини. Исида повернулась к ребёнку, которого она должна была убить и... поняла, что сделать этого не сможет.

Через час судно увозило её прочь. Рядом покачивалась импровизированная люлька, наспех сооружённая из сетей, находившихся на корабле. Провожал корабль счастливый детский смех, доносившийся с берега.

Спустя два месяца «Быстрый» вошёл в гавань Эрхата, одну из цитаделей шестиугольника, а ещё через месяц она принимала почести в Резиденции ордена. Никто и подумать не смел, что она, получившая рубиновый плащ, и пользующаяся безграничным доверием сестёр, она, возможно будущая мать, стала причиной столь страшных последствий. Даже Сиана не догадывалась, носителем чего она является и какую опасность она, как носитель, представляет для существования не только империи, но и человечества в целом.

Исида встала со своего места, прервав тем самым все споры бушующие в зале.

– Что скажет нам преподобный Эсткарх от лица своего ордена? Что он предложит теперь нам? Объявить военный сбор? Уничтожить Недеров? Мы так и сделаем, конечно же, вопрос в другом. Скольких мы потеряем там. Вы дали им целых два дня! Неужели нельзя было сделать этого раньше?! Я и не знаю, как это назвать! Вы обязаны... – повелительный жест Аннаа остановил её.

– Ничего уже изменить невозможно. Перед тем, как мы собрались здесь, двенадцать тысяч серых стражей были направлены в цитадель Вакхам. Шестьсот хранительниц отправятся вслед за ними завтра на рассвете. Я думаю, этих сил нашего ордена хватит, чтобы уничтожить колонию этих существ. Учитывая их небольшое первоначальное количество, но достаточно немалый темп проникновения в Шаэдар, я предполагаю, что мы должны будем справиться с ними малой кровью. Вы, Эсткарх, – обратилась она к главе служителей, который после уничтожительных слов Икиды побледнел и плотно сжал губы, – отправите туда часть своих братьев, чтобы они помогли нам. Я очень надеюсь на это.

– Я обязательно это сделаю, преподобная, – не вставая со своего места, процедил сквозь плотно сжатые зубы Эсткарх. Ответом ему было лишь лёгкое движение головы, напоминающее кивок.

Сидевший до этого тихо и неприметно на одном из тронов человек поднялся и, преклонив колена перед матерью, обратился к ней.

– Прошу прощения, но мне, в свете открывшихся событий, придётся в срочном порядке покинуть вас. Я обязан оповестить моего императора как можно быстрее. Я уверен в том, что он прислушается к сказанному мною и отправит в помощь несколько групп соединений. Я отлично понимаю, что экипировка обычных солдат почти ничем не поможет против обитателей нижних миров, но я также считаю, что наши инженеры очень могут вам пригодиться. Осадные машины они соберут прямо на месте. Насколько мне известно, эти красивейшие места изобилуют лесами, так что недостатка в материалах у них не будет.

– Буду признательна вам за вашу помощь, наместник Дагон, – мать улыбнулась, – идите. Знамена ордена, висевшие вдоль стен, всколыхнулись, когда двери открылись, и человек стремительно, почти бегом, покинул зал.

– Мне тоже нужно идти. Нужно подготовить моих людей, тех, кто сможет чем-то помочь вам в бою. Среди нас очень мало таких, кто владеет боевой магией. Мы, скорее, слуги Равновесия, а в нем, как известно, нет места боевой магии. Сожалею...

– Идите, Эсткарх.

После того, как глава служителей вышел, Исида обратилась к оставшимся.

– Порождения нижних миров это угроза для всех нас. Орден, ввиду своей немногочисленности не сможет в одиночку противостоять ордам этих существ. В особенности – недерам. Никто из вас, кроме, пожалуй, меня никогда не сталкивался с ними в бою. Вы лишь знаете, как они выглядят. Но и этого достаточно, чтобы вселить страх в сердца обычных людей. Да, как и большинство подобных им существ материальных миров, они сравнительно легко уязвимы, но не для человека.

Из всех рас, известных нам, мы самые слабые. Но это не помешало уничтожить более сильные, более древние расы и завладеть знаниями, которые они накапливали десятками тысяч лет.

Хранительницы! Я хочу сказать вам, отправляющимся завтра с первыми лучами солнца к цитадели Вакхам, где должны уничтожить исчадий этой проклятой расы, о слабых местах этих существ. Любой недер, даже тот, который ещё не достиг взрослого цикла, сильнее обычного человека, а также неуязвим для большинства заклинаний боевой магии, которую вы используете, благодаря врождённой сопротивляемости. Морита для них это просто хороший клинок, а их природная броня позволяет успешно сопротивляться огню. Не тратьте попусту энергию камня наг. Пока в нем есть нити, у вас есть шанс выжить. Используйте её лишь для того, чтобы усилить ваши доспехи и оружие. Не пытайтесь уничтожить их с помощью магии. Запомните тоже, что ритуальный круг вечности не поддержит вас в решающий момент. Надо ещё месяц, чтобы его карающий меч смог обрушиться на тех, кто угрожает нашему существованию. Этого времени у нас нет.

Более тридцати лет мы не собирали таких значительных сил для борьбы с теми, кто проник в наш мир, но этот момент снова настал. Этот бой не последний, вы сами понимаете это. Не геройствуйте, помните – оставшимся будет тяжело без вас. Я всё сказала.

– Кто будет назначен стратегом? – задала вопрос Хаэра, сравнительно молодая хранительница, только вчера получившая изумрудный плащ.

– Сиана, – Мать произнесла это имя еле слышно, словно мысли вслух.

Исида подумала, что сейчас в зале начнётся хаос, но, вопреки этому, повисла мёртвая тишина. Молчание было вызвано скорее недоумением, чем согласием с решением матери ордена. Чем вызвано такое решение, что натолкнуло преподобную на его принятие, было недоступно пониманию первой дочери.

Два дня назад, сразу после того, как Сиана прошла испытание, мать Аннаа приказала заточить хранительницу, почему-то так и не приходившую в сознание, в куб. Куб был сделан из того же материала, что и стены цитаделей шестиугольника. Абсолютно не восприимчивый к магии, в том числе и к высшей, минерал из каменоломен города Нетер явился идеальным для создания стен, не поддающихся воздействию любых факторов силы. Благодаря прочности, превосходящей прочность доспехов хранительниц, он был почти не подвержен действию осадных орудий, включая исполинские киттары, способные швырять глыбы весом более десяти тонн на расстояние до десяти километров. Но недостатки этого минерала, точнее его огромный вес при сравнительно малом объёме и то, что он практически не поддавался обработке, позволяли использовать его только при строительстве укреплений. Но предшественница Матери – преподобная Хиэша, нашла ему ещё одно применение, построив идеальную темницу для существ,

обладающих магией. Конечно, она не задумывалась о том, что когда-либо туда поместят одну из сестёр, но, тем не менее, это произошло. Впоследствии материал стали использовать для изготовления некоторых ячеек хранилища.

Вчера Сиана пришла в сознание. Она помнила то, что случилось с ней до мельчайших подробностей. Она не отрицала того, что Тот, кто прячется, использовал её тело как одну из ступеней для завершения цикла перевоплощений. Сиана согласилась с мнением матери, которая полагала, что это не просто ступень, а последняя из них. После этого разговора, длившегося более трёх часов, находившуюся в подавленном состоянии хранительницу решили пока держать в вынужденном заточении до принятия решения касательно её дальнейшей судьбы. Будь она простым человеком, не принадлежащим ордену, её уже давно бы лишили права на жизнь. Официальное принятие решения о её смерти было бы лишь формальностью и ничем более. Но кодекс ордена не мог позволить себе простого убийства одной из своих сестёр, тем более хранительницы, носившей изумрудный плащ.

В свете этих событий новость о том, что она будет назначена стратегом в грядущем сражении, явилась шокирующей для всех, кто услышал её. Некоторые хранительницы встали со своих мест, тем самым требуя объяснений. Так же поступил и первый страж, занимающий почётное место на одном из тронов. В отличие от других поднявшихся, он имел право словесных возражений матери ордена, чем не замедлил воспользоваться.

– Почему именно она? Преподобная. Сиана сейчас заточена в куб, и заточили туда её именно вы. Чем это вызвано я, конечно, понимаю, и полностью поддерживаю вас в этом решении. Но позвольте не согласиться с вашим назначением этой хранительницы на пост стратега. Да, она прекрасно показала себя в предшествующем сражении, тысяча серых стражей обязана ей жизнью... Но, тем не менее, то, что она всё ещё контролирует сидящего в ней, не значит, что она сможет делать то же самое и в будущем. Я думаю, что в отношении Сианы сейчас нужно решать вопрос не о назначении, а о жизни или смерти. Мы знаем, чем может грозить мирозданию рождение Того, кто прячется. Нелепо было бы предполагать, что вы не знаете того же. Я убедительно прошу вас объяснить нам, что происходит, в противном случае серые стражи не будут подчиняться избранному вами стратегу. Также спешу уведомить вас, что я самолично собираюсь присутствовать в сражении, дабы способствовать скорейшему его завершению малой кровью.

Было видно, что за маской спокойствия, неизменно впрочем, сопровождающей всех стражей, кипело негодование. За внешне уважительными словами можно было увидеть завуалированную грубость – протест решениям женщины, представляющей власть равную власти Императора, а во многих случаях и превосходящую её. Мать не могла не заметить этого, но, сделав вид, что слова были направлены не в её адрес, с безразличием отнеслась к происходящему и протянула руку, в которой на небольшой цепочке покачивался амулет в виде неправильного многоугольника.

Это была очень древняя вещь, сделанная не человеком. Вид её почему-то внушал безотчётную тревогу и, в тоже время, привлекал чем-то. Амулет познания.

– Амулет, – голос матери стал хриплым от волнения, видимо, эта вещь очень сильно действовала на тех, кому довелось взять его в руки и открыть своему взгляду.

– Вчера я решила обратиться к нему, к этой проклятой всеми вещи, – продолжила она, на её лоб скатились капельки пота, следствие крайнего напряжения, – я задала один вопрос. Явится ли Тот, кто прячется причиной гибели людей? Ответ был однозначным, впрочем, как и всегда, – нет.

Мы не знаем, откуда взялся этот амулет, но он ещё никогда не ошибался. Даже когда его проклял и попытался уничтожить Дил Эрг, тот не потерял своих свойств и иногда отвечает на вопрос, хранящей его. Уже четыре тысячи лет он не ошибался и всё то, что он пророчествовал, оказывалось правдой. Его односложные ответы – да, или нет, всегда были для нас

путеводной нитью среди хаоса множества неразрешённых вопросов. Я не считаю, что орден не должен верить его очередному ответу и повелеваю освободить Сиану. На этом всё. Теперь можно перейти к вопросам организации.

Анна с видимым облегчением убрала амулет, и провела ладонью по лицу, стирая испарину. Вынужденное созерцание реликвии тяжело далось ей. Первый страж, до сих пор стоявший на ногах, наконец, сел на своё место, что явилось своеобразным сигналом для других поднимавшихся. Послышалось шуршание плащей хранительниц, снова занявших свои места, и в зале снова стало тихо.

– Вам слово, первый страж, – пригласила его Исида.

– Вчера по приказу матери десять тысяч восьмьсот сорок серых стражей, что составляет две группы и два соединения, были отправлены мною в цитадель Вакхам, точку сбора армии. Завтра к вечеру они будут там, а затем выступят навстречу недерам, которые, без сомнения, попытаются захватить новые территории. Силы, выделенные нам императором, и хранительницы уже будут там. Известно, что в пятидесяти километрах северо-восточнее цитадели располагается одна из крепостей императора – составляющая пояса неприступности и имеющая гарнизон в тридцать две тысячи человек. Гвардейцев там не менее трети. Они же и будут, скорее всего, выделены нам в помощь, так как ближайшие гарнизоны находятся очень далеко и просто не успеют прийти вовремя. Согласно стратегии, которой придерживаются алгары Ахерона, в гарнизоне хватит инженеров на постройку и обслуживание тридцати пяти киттар. Это большая поддержка в битве, но рассчитывать на неё преждевременно не стоит. Слишком много времени требуется, чтобы построить их, вполне возможно, что этого просто не успеют сделать. Но решать это будет уже стратег, я же ознакомил вас с силами, которые по моим подсчётам окажутся в её распоряжении. Сроки прямого столкновения я тоже могу вам назвать. Это шесть – семь суток с этого момента. Скорее всего, мы столкнёмся с ними на рассвете седьмого дня. У меня всё.

– Кто будет подбирать круг стратега? – спросила одна из хранительниц.

– Сиана, – ответила ей Анна.

– Когда? В цитадели?

– Нет. Сейчас! – двери распахнулись, и в зал вошла, немного бледная и осунувшаяся, словно провела в заключение не менее месяца, Сиана. В остальном она выглядела безукоризненно, словно собиралась посетить тронный зал Таргола – дворца императора в Мелоранде. Её шлем покоился на сгибе левой руки, правой она придерживала развевающийся при ходьбе плащ. Хранительница стремительно прошла к возвышавшимся тронам и села рядом с Исидой, на место, которое занимал до этого Эсткарх.

– Двенадцать из вас будут моим кругом. На этот раз я воспользуюсь своим правом стратега и назначу всех сама. Почтенная Хейра!

Одна из хранительниц поднялась, явно озадаченная выбором Сианы. Она ещё не привыкла к тому, что её теперь называют почтенная, а не достойнейшая Хейра. Три дня назад закончилось её ученичество. Она приняла серебряный плащ их рук Авлери – наместницы цитадели Эрхата, получила свою первую реликвию, и жизнь её, как хранительницы началась. Этот Совет был для неё первым в жизни, и Хейра даже не мечтала о том, что будет участвовать в схватке с недерами, тем более, в составе круга стратега.

– Хатор! – со своего места поднялась едва ли не самая старая из хранительниц. Впрочем, она выглядела такой же молодой, как и остальные, но слава о её деяниях распространилась уже далеко за пределы ордена.

– Шескар, – вперёд вышла ещё одна хранительница, носившая такой же плащ зелёного цвета, как Хатор и Сиана.

– Дехи! – ещё один изумрудный плащ.

– Хатэ, – аметистовый плащ, известная среди других хранительниц, как покровительница Мелоранда, города, который благодаря её самоотверженности не превратился в руины тридцать семь лет назад, и единственная выжившая из эскорта сопровождения, помимо Сианы, в этой чудовищной мясорубке, устроенной талисманом Боли, встала.

– Исиэра, – аметистовый плащ.

– Атинара! – голос Сианы сорвался, ни для кого не был секретом её вызов на суд чести три года назад, отменённый матерью вследствие недостаточности обвинений. Атинара считала Сиану виновной в гибели своей родной сестры и пылала мстостью, но сейчас не могла не подчиниться и встала, хотя желание не делать этого сквозило в каждом её движении.

– Даниэра!

– Веррана, – снова зелёные цвета.

– Лати, – аметистовый плащ, одна из немногих, решившаяся на испытание стихий и прошедшая его.

– Кирена, – опять гул в зале, не понимавшего выбора стратега. Вторая хранительница в Серебряном плаще вышла вперёд.

Сиана сделала небольшую паузу и обратилась к матери.

– Прошу вас разрешить мне назначить Исиду. Она как нельзя лучше дополнит круг набранный мною. Я хотела бы отдать ей в подчинение солдат императора. Учитывая опыт в столкновениях такого масштаба и не единичный случай командования такими силами, я думаю, она будет лучшей из возможных кандидатур. В противном случае решение о назначении должно исходить от вас, так как я совершенно не уверена в том, что мой выбор будет лучше.

Своими словами Сиана поставила мать в неудобное положение. С одной стороны – всё то, что было сказано, было неоспоримой истиной, с другой стороны – назначить первую дочь в подчинение изумрудному плащу, пусть даже и стратегу, было бы некрасиво. Отлично понимая, почему Аннаа медлит, Исида сама обратилась к ней, не ожидая ответа, что можно было расценить как дерзость.

– Я очень прошу вас разрешить Сиане назначить меня. Мне было бы очень приятно идти под командование такой выдающейся хранительницы. Я видела её испытание и считаю, что в будущем она станет одной из самых значительных фигур ордена. Учиться чему-то у такого человека было бы для меня величайшей честью.

– Я разрешаю, – мать ордена даже не посчитала нужным скрывать вздох облегчения, последовавший сразу за произнесёнными ею словами.

– Исида. Второй стратег! – Сиана произнесла это торжественно, но, в то же время, в её словах проскользнули нотки тепла, словно Исида была для неё очень близким человеком. В принципе, так оно и было на самом деле – обряд единения камней они прошли уже так давно, что некоторые и не помнили той торжественной церемонии в зале единства. Камни этих двух людей навеки теперь были соединены невидимыми узами, позволяющими многие недоступные другим чувства. Такие, как, например, двойное восприятие. Они старались везде быть вместе, если умрёт одна, вторая начнёт чувствовать несравнимую боль потери и одиночества. Обычно, если кто-то из истинных сестёр умирал, вторая искала смерти и, как правило, находила её. Всё происходило в точности так же, как и при разрыве той невидимой нити между траэти и наездником.

– Круг собран! – объявила во всеуслышание Сиана, – завтра на рассвете все, кого он назначит, должны вылететь в направлении цитадели Вакхам. Через сутки вы обязаны быть там и доложить кругу о вашем присутствии. Все реликвии, хранительницами которых вы являетесь, должны быть сданы в хранилище до вашего возвращения, или переданы на временное хранение оставшимся. У меня всё!

Сиана повернулась в сторону матери и с её позволения покинула зал. Не спеша она спустилась к загону для животных – отдельно стоящему, приземистому, по сравнению с другими, но занимающему огромную площадь, зданию. Найдя свою тиэри – сравнительно молодую самку по имени Рокка, она взяла ведро с водой и щётку – очень грубую, но самую подходящую для толстой и почти нечувствительной кожи этой рептилии.

Дремавшая тиэри встрепенулась, услышав звон, и широко распахнула глаза. Увидев Сиану, шумно втянула ноздрями воздух и потянулась к ней, привычно ожидая ласки, и не ошиблась – хранительница сняла перчатки и почесала её надбровные дуги. Глаза тиэри полузакрылись, и их затащило поволокой, показывающей крайнюю степень расслабленности и удовольствия. Длинная шея, казалось, ослабла и больше не могла выдерживать груза массивной головы. Рокка неспешно, словно во сне, опустила голову на ковёр из мягкой травы и расслабилась, терпеливо ожидая, пока Сиана закончит чистить её.

Когда хранительница закончила уже наступила ночь, и равнину Саграм окутала тьма, а вместе с ней наступила и тишина, нарушаемая только криками птиц, водившихся здесь в изобилии и, иногда, шуршанием сапог проходящего мимо стража. Хранительница поднялась в одну из комнат и сняла плащ и доспехи. Шнуровка, соединяющая пластины на голени, долго не поддавалась уставшим от долгой напряжённой работы пальцам, но, наконец, Сиане удалось развязать и её. Вместе с облегчением пришла мысль о последующих напряжённых днях. Почему-то в её душу закрались вызванные непонятно чем сомнения в благоприятном исходе предстоящей компании. Недеры всегда славились своей хитростью, и каждая победа над ними стоила ордену немало. Каждый раз людям приходилось всё труднее в битвах с ними, и Сиана понимала, что на этот раз будет ещё тяжелее. Что заставило их снова появиться здесь? Неужели они ещё не поняли, что их время не придёт, пока существует орден и империя?

Сон пришёл незаметно; сон, самое подходящее определение для которого – кошмар.

Глава II. «Дорога на Запад»

В начале времён был только Сэг. Кто он, мы знаем – отец сущего, но откуда он – неизвестно. Отец создал древних Богов и отдал им часть своей силы – силы мироздания, ибо тогда оно заключалось в нём. Древние создали подобных себе. И заселили мир, в котором до этого была лишь одна раса – наг. Мир был создан Сэгом и населён его подобиями, которые служили ему, а он, в свою очередь, заботился о них, делая всё, чтобы они становились только сильнее. Подобные Сэгу проводили кровавые ритуалы, а он поглощал эоны эмоций жертв, становясь только могущественнее. Но когда в мире, которым до этого владела только его раса, начали появляться другие, Сэг не захотел мешать этому. Он не стал уничтожать создания своих детей. Он лишь наблюдал. Через тысячи лет, они заполонили мир, почувствовав себя равными своему Отцу. Им захотелось власти. Тогда и началась Великая Война Богов.

Началась она в Шаэдаре. Никто не помнит причин её начала, ведь с тех времён прошли сотни тысяч лет, но все знали, что причиной потрясений, случившихся немного позже в высших сферах, стал мир Шаэдара, ведь именно он был единственным и не имел тогда своих отражений. Миллионы различных существ стремились уничтожить друг друга, чтобы завладеть этим миром и древние Боги не стеснялись в средствах. Для них, лишённых человечности, это взаимное истребление было лишь игрой, затянувшейся на века. Но настал момент, когда расы едва не исчезли. Они думали уже не о войне, а лишь о выживании. И тогда древние в своём облике покинули высшие сферы и пришли на помощь своим созданиям. Тогда и возникло Равновесие.

Что это, мы не понимаем, но, тем не менее, неукоснительно следуем его законам. Власть Равновесия – власть самого мироздания. Некоторые говорят, что это власть Сэга, покинувшая его. Так это или нет, мы не знаем. Но мы знаем, что случилось с теми, кто пришёл в мир Шаэдара из высших сфер – обители Богов. Они были уничтожены, остатки их рас бежали в созданные для них Равновесием ямы. После этого были названы восемь его законов. И их услышали все. С тех незапамятных времён только один из Богов осмелился пренебречь ими. Шакти ужасный. Да. Боги не умирают. Они лишь временно попадают в гробницу Богов. Но, как говорят хранительницы: «Мёртвым всё равно – будут они мертвы или восстанут снова!».

Законы Равновесия не остановили взаимное истребление древних рас, напротив! Они только ускорили это. Боги, осознавшие, что нарушить эти законы нельзя, наделили своих приверженцев высшей магией. И попробовали создать полубогов, таких, как раса Шаудер. Именно тогда и произошло первое убийство в высших сферах. Безумный Бог убил одного из подобных себе, из-за чего, собственно, и стал Безумным. Равновесие прокляло его. Мироздание, буквально трещавшее тогда под напором применяемых древними расами сил высшей магии, начало рушиться. В нём воцарился первозданный хаос. Сначала еле заметно, но всё более ускоряя темпы, он вскоре подчинил себе огромную его часть. Равновесие, пытавшееся исправить это, изменило структуру, придав часть упорядоченности, и создало нижние миры, которые стали называть иногда мирами хаоса. Одновременно в Шаэдар пришла новая раса – люди. Никто до сих пор не понимает, откуда они пришли и, тем более, как им удалось уничтожить тех, кто царил в Шаэдаре ранее. Но, тем не менее, это произошло. Немногим более десяти тысяч лет им понадобилось, чтобы стать единственными и полноправными хозяевами этого мира. Последними были уничтожены недеры – самая многочисленная раса. Если бы не пришли люди – они бы стали доминирующей расой, а сам Великий Недер, он же Безумный Бог, создавший их, единственным действительно правящим Богом. Остатки некогда самой могущественной цивилизации ушли в нижние миры, а то, что они создали, кануло в лету. Позже не было найдено ни одного свидетельства их былого могущества, кроме одного – талисмана Боли.

(Анналы ордена хранительниц т. V гл. XXVII)

24 Мая 6349 года Летоисчисления.

Эра Предначертаний. Рассвет.

Ахерон. Равнина Саграм. Резиденция Ордена

Ночью шёл несвойственный этим широтам и времени года обильный снег. Земля превратилась в вязкую топь, и движение стало возможным только по мощёным дорогам. К утру снег закончился, и пошёл лёгкий морозящий дождь. Солнце было скрыто тучами, а где-то вдалеке раздавались раскаты грома. Тиэри упираясь, шла за тащившей её за сбрую Сианой. Косясь глазами направо и налево, она словно завидовала её мирно дремавшим собратьям и не хотела понимать, для чего её хозяйке потребовалось лететь куда-то в такую несносную погоду. Сиана обливалась потом, но отвоевала у Рокки пядь за пядью пространство, разделяющее их, и огромные распахнутые настезь ворота. Наконец ей это удалось, и тиэри оказалась на улице под промозглым дождём. Кое-как взобравшись на упорно отказывающуюся повиноваться Рокку, она натянула поводья и вскоре осматривала цитадель с высоты полёта тиэри. . .

Хранительнице было очень тяжело совладать сегодня со своей рептилией. Последняя упорно стремилась оказаться выше облаков, и Сиана изнемогала в попытках остановить её. Понимая, что сегодня ей не перебороть упрямство Рокки, и чувствуя себя виноватой в том, что заставила тиэри покинуть тёплые, уютные загоны и подняться в небо в такую ужасную погоду, хранительница решила отдаться её воле, не сомневаясь в способности рептилии следовать указанному пути. До цитадели Вакхам, что и было конечной точкой следования, оставалось лететь около четырнадцати часов и Сиана, прочно закрепившись в седле, закрыла глаза. Полудрёма незаметно перешла в крепкий сон, а за ним пришли и ночные кошмары.

Сотни тысяч человекообразных созданий, вооруженные, чем попало, неистово штурмовали стены Резиденции. Откатывались назад и тут же шли на приступ снова. Хранительницы, смешавшись с остальными защитниками этого последнего оплота ордена, бросали разрушительные заклинания в гудящую и исходящую злобой толпу. Падая одна за другой, они уносили с собой сотни врагов, но это не уменьшало ярости натиска. Серые стражи сражались бок – о – бок с солдатами империи и умирали, проклиная врагов. Каменные глыбы проносились над головами защитников и врезались в их противников, расшвыривая последних словно смерч, калеча и убивая. Множество истерзанных тел устлали стены Резиденции, когда на горизонте уже показались исполинские Ралкса, несущие на своих спинах недеров. Сиана, стоя на вершине стены, только и успела заметить, как копьё, брошенное одним из врагов, пронзило её насквозь, совершенно случайно попав в щель между нагрудными пластинами. Для наконечника копья преграды на его пути, сплетённой нитями за секунду до удара, словно не существовало. Камень наг взорвался, высвобождая накопленную силу, а нити, повинувшись последнему сознательному импульсу, исходящему от угасающего мозга, выбросили в сторону ближайшего десятка врагов выращенные цепи с наконечниками в виде гарпуна. Сознание хранительницы исчезло в яркой вспышке, и она проснулась.

Рокка летела теперь на высоте нескольких сотен метров над землёй, и Сиана с радостью увидела вдалеке знакомые с детства улицы города Хеврон, находящегося на половине пути от Резиденции до города Отгис. Оттуда ещё несколько часов полёта, и она увидит свою будущую армию. Рокка спустилась ещё ниже, и Сиана заметила на дороге спешащий кортеж с развевающимся штандартом ордена, точнее серых стражей. Среди них находился и закованный с головы до пят в броню серебряно-стального цвета человек, первый страж ордена. Его сложно было не узнать. Только он один из всех стражей носил такие доспехи. Сиана спикировала вниз и опустила свою тиэри прямо на середину дороги. Дальнейшее продвижение колонны стало невозможно и она остановилась. Первый страж спрыгнул на землю. Четвёрка запряжённых траэти – дальних родственников тиэри, не имеющих крыльев и гораздо меньших размеров, остановились, презрительно фыркая и косясь в сторону Рокки. Дождавшись, пока Сиана окажется

на земле, тиэри поднялась в воздух и начала плавно описывать круг, стараясь, чтобы потоки воздуха от мощных крыльев гнали пыль и всяческий мусор на траэти, но в то же время, следя, чтобы эти пыль и мусор не попадали на людей. Животные поднялись на дыбы и постарались достать передними лапами пролетающую мимо на очередном вираже рептилию. Рокка, увидев это, резко вильнула в сторону, и Сиана, вместе с подошедшим к ней стражем, оказались в центре воздушного водоворота. Увидев последствия своей проделки, Рокка стремительно поднялась выше и скрылась за ближайшими холмами.

– Приветствую, Сиана!

– Приветствую, Килдар.

Сиана протянула руку, предлагая отойти от своей свиты, и они вдвоём медленно зашагали в сторону виднеющегося на горизонте города.

– Что заставило вас...

– Мне хотелось узнать, чем вызвана такая спешка первого стража, – Сиана перебила его и, осознав свою неучтивость, покраснела, – ваши животные должно быть очень устали, обогнав меня. Ведь, если я не ошибаюсь, вы покинули Резиденцию позже?

– Вы ошиблись, я выехал ещё до рассвета, сразу же, как только дал временные полномочия моему заместителю. Предугадывая ваш вопрос, замечу – мой путь лежит в точку сбора. То есть в цитадель Вакхам.

– Но... Вы передали полномочия... Вы хотите принять участие в сражении? Я не могу найти другого объяснения твоему поступку, – хранительница на секунду остановилась, но тут же зашагала дальше. Они уже далеко отошли от кортежа и, не опасаясь более, что их услышат, перешли на «ты».

– Именно. Я надеялся на то, что встречу тебя там. Я хочу получить командование над своими солдатами. Я чувствую, что эта битва унесёт много жизней, она не будет так легка, как всем кажется. И ещё...

– Что ещё?

– Оракул прямо сказал мне о предательстве. Он очень редко говорит прямо, отделяясь ничего не значащими наборами слов, которые со стороны кажутся бессмыслицей. Неделями потом мы стараемся разгадать их смысл. Вчера же всё было наоборот, – Килдар остановился, – я спросил его о том, стоит ли мне сражаться на этот раз. Я очень надеялся на прямой ответ, но оракул не оправдал мои надежды.

– Что конкретно он сказал?

– Предательство!

– Только одно слово? Но ведь оракулы никогда не говорят одним словом! Их ответы расплывчаты, и всегда многословны! – он видел и понимал, что у хранительницы нет оснований не верить ему, но почему тогда она сомневается в его словах?

– Ты что, не веришь мне, Сиана? Я удивлён, – Килдар улыбнулся.

– Я верю тебе, я просто не могу понять, почему оракул сказал только одно слово! – хранительница резко взмахнула руками и тут же опустила их. Плечи её поникли, что не могли скрыть даже наплечники.

– Я тоже не знаю. Последнее время происходит что-то непонятное. Талисман Боли, Тот, кто прячется, недеры, непонятные изречения оракулов... И не только моего. Мне кажется, что началось что-то, бороться с чем, мы не в силах.

– Все это чувствуют! Но делают вид, что ничего не происходит! У меня складывается ощущение, что все мы, участники тройственного союза, изжили себя. Мне кажется, что мы уже не люди. Возможно, что-то большее, или, наоборот, меньшее, но уже не принадлежим к человеческому роду.

– Ты говоришь как...

– Да! Я говорю как Иллана! – Сиана резко развернулась назад и закричала, – Иллана была права!

– Что ты делаешь, безумная! – Килдар схватил её за руку и резко развернул к себе. Она вырвалась и в её руке запела сплетённая морита. Клинки готовы были скреститься, но взгляды, державших их, встретились. Её, полный ненависти, на дне которого плескалось зарождающееся безумие, и его, твёрдый и уверенный.

– Ты хочешь убить меня? – в его голосе не промелькнуло и тени страха.

Его слова подействовали на Сиану отрезвляюще, и оружие исчезло. Камень наг перестал еле заметно вибрировать и снова начал мерно пульсировать обычным розовым светом. Сиана бросилась к мужчине и обняла его. Страж вложил мориту в ножны на спине, стараясь не потревожить хранительницу, и положил руки на её талию.

– Извини, ты всегда был мне дорог. Я не знаю, что случилось. Последнее время со всеми хранительницами происходит что-то подобное. Неконтролируемые вспышки гнева и безумия. Мы не понимаем, из-за чего это. Прости меня, – хранительница откинула голову назад и сняла шлем, – тем более последнее время я почему-то всегда совершаю глупые поступки. Прости меня.

– Ничего страшного. Хоть ты и принадлежишь ордену, ты все равно остаёшься человеком, а, значит, ничто человеческое тебе не чуждо. Все люди совершают глупые поступки.

Сиана откинулась назад и он, испугавшись того, что она упадёт, обнял её крепче, немного подавшись вперёд.

– Ты чуть не ударила меня этим сооружением, которое водрузила на голову и называешь шлемом, – она засмеялась.

Килдар чуть наклонил голову и подождал, пока Сиана ослабит крепления. Золотые локоны волос рассыпались по плечам, ниспадая до самой талии.

– Ты всегда знал, что я люблю тебя, – слова хранительницы подействовали на первого стража ошеломляюще. Он замешкался и сделал неопределённый жест рукой.

– Странно видеть лучшего воина империи покрасневшим. Оказывается, твоё сердце ещё не совсем огрубело, – Килдар перестал прятать глаза и посмотрел на неё с мрачной решимостью.

– Ты пугаешь меня, – губы Сианы полуоткрылись.

– Когда мы вернёмся в Резиденцию, я попрошу мать провести обряд и соединить нас. На этот раз я действительно это сделаю.

– Но ведь ты ещё не обещал мне этого ни разу, – хранительница, казалось, находилась в недоумении.

– Не говорил, но думал об этом не единожды.

Килдар наклонился вперёд, и их губы слились в каком-то неумолимом испуге, и время для них остановилось.

– Ты полетишь со мной? – спросила Сиана немного позже, когда они нашли в себе силы оторваться друг от друга.

– Не думаю, хотя мне очень этого хотелось бы.

– Почему? Тиэри доставит нас в цитадель гораздо быстрее, чем твои, уже почти загнанные траэти.

– В Хевроне стоит наш гарнизон.

– Собираетесь там набраться сил, – Сиана улыбнулась. – Ты не изменился. Все так же боишься высоты.

Сиана издала пронзительный крик, в котором слышался призыв. Взобравшись на спину, ответившей на призыв Рокки, хранительница наклонилась в сторону Килдара и коснулась его рукой.

– Встретимся в цитадели! – далёкий крик Сианы эхом отзывался снова и снова в голове первого стража, продолжившего свой путь далее к башням одного из величайших городов Ахерона.

24 Мая 6349 года Летоисчисления.

Эра Предначертаний. То же время

Ордаэр. Великие пустоши. Колония Недеров

– Приветствую тебя, Меедар, несущий избавление, – голос Эсткарха, раздавшийся под сводами одной из каменных пирамид, наспех возведённой недерами, заставил отвлечься молодого человека, сидящего на явно неудобном для него стуле, опять же – вытесанного из камня.

Меедар щёлкнул пальцами, и полог, закрывающий другой вход в помещение, откинулся, и вошла молодая девушка. Её одежду составляли лишь расшитый золотом пояс, держащий очень короткую небесно-голубого цвета юбку, и лента такого же приятного оттенка, скрывающая грудь. Ранее посещавший Резиденцию ордена и очень часто видевший хранительниц, неземная красота которых стала легендой не только Ахерона, но и окружавших его земель, он был буквально парализован появлением девушки. Величественной походкой она подошла к нему и, протянув руку, коснулась его лба, заставив шумно выпустить воздух.

– Я никогда не... – служитель был похож на выброшенную на берег рыбу, тщетно пытающуюся глотнуть спасительного воздуха.

– Это моя сестра Диона. Несущая страдания, – Меедар улыбнулся, довольный произведённым эффектом.

– Приветствую тебя, Эсткарх, глава ордена служителей Равновесию, – Диона, скорее всего, намеренно, по его предположению, произнесла его полный титул.

– Приветствую тебя, Диона, несущая страдания, – он, наконец, справился с собой и добавил. – Пока талисман не ответил на мой призыв, мне казалось, что вы оба лишь легенда.

– Мы и есть легенда в понимании людей, – Меедар встал и подошёл к столу, заставленному так, словно намечался какой-то большой праздник, – на самом деле легенда, как её преподносите вы, это ложь.

– Всё было не совсем так, – Диона подошла к брату и положила левую руку ему на плечо.

– Мы можем показать тебе, как мы стали повелителями хаоса, но тебе, скорее всего, это не понравится, – Меедар высоко над головой поднял бокал с красной жидкостью, напоминающей вино, но очень вязкой, словно смола, – ты хочешь это увидеть?

– Я бы удовольствовался просто вашим рассказом, – слова Эсткарха вызвали у них лишь ироничную улыбку.

– Тогда проходи. Садись, хотя, боюсь, творение недеров не понравится тебе. Камень заменяет им всё, даже дерево и железо. Причём они никогда не обрабатывают его, – Меедар, казалось, расстроился.

Глава ордена сел на место, которое недавно занимал встретивший его повелитель хаоса, и приготовился слушать. Меедар сделал паузу, смакуя непонятную жидкость и, пристально посмотрев на Эсткарха, заговорил.

– Заблуждение первое – в забытые гробницы спустился не только Дэон. Мы были с ним вместе.

Заблуждение второе – он не смог закрыть двери нижних миров не потому, что был проклят, а потому, что мы убили его сразу, как только он нашёл то, что периодически открывало их.

И, наконец, заблуждение третье – двери всё-таки были закрыты. Это мы закрыли их, после того как забрали с собой в нижние миры кинжал Боли. Именно он открывал двери туда. Открывал тогда, когда случалось событие, влекущее за собой образование нового отражения. Он был той силой, что заставляла порождения нижних миров покидать их мир и вторгаться

в Шаэдар. Если бы кинжал остался на своём месте, Шаэдар просуществовал бы вечность, но теперь, когда мы пришли вернуть то, что принадлежит нам, он будет уничтожен.

Всё это время, с тех пор как мы забрали реликвию с собой, двери в нижние миры не открывались произвольно. Это повлекло за собой падение стабильности и, как следствие, растущее напряжение на границах миров, а, значит, позволило бы в будущем открыть гораздо больший проход.

На этот раз мы воспользовались силой реликвии для того, чтобы открыть не просто двери, а целые ворота в Шаэдар. Через них мы и проникли сюда. Кинжал также позволил нам понять мысли человека, изучавшего талисман, ведь обе эти реликвии часть единого.

Третью реликвию – печать Боли нам удалось отыскать буквально сразу, как только мы покинули гробницы.

Кольцо Боли, четвёртое связующее звено находится в провинции Матаэл; хранительницы так и не нашли способа разгадать тайны кольца, они и сейчас не знают, каким могуществом оно обладает. Просто назвали его кольцом недеров и спрятали в землях юга империи. Они так и не смогли перевезти его в хранилище; по мере удаления от места его обнаружения, артефакт проявлял такие свойства, что орден предпочёл его захоронить, а не продолжать перевозку. Тебе предстоит эту реликвию отыскать. Есть зацепка, как это сделать. На сравнительно небольшом удалении другие реликвии Боли почувствуют кольцо.

Есть ещё пятая реликвия – посох, или, иначе – жезл Боли. Сиана – хранительница этой вещи. Когда Исида смогла уничтожить печать Сат-гэ несколько столетий назад, рисунок нитей указал ей путь к этой реликвии. Спустя годы Сиана отправилась в поиск, а место ей указала первая дочь. Именно это и есть последнее звено, требуемое для открытия врат Повелителя Боли. А Повелитель Боли – это никто иной, как Безумный Бог, он же Великий Недер. Если мы поможем ему вернуться...

– Он сделает нас властителями не только нижних миров, но и мира Шаэдара. И вернёт нам жизнь! – закончила Диона рассказ Меедара.

– Разве вы мертвы? – Эсткарх наморщил лоб, – мне кажется, что здесь что-то иное, я чувствую жизнь.

Раскатистый смех повелителя хаоса заставил главу служителей почувствовать себя ниже его, что не могло не разозлить.

– Что здесь смешного?! – его крик повис в пустоте. Казалось, они не слышат его, но это было не так.

– Тебе ещё многое предстоит узнать, смертный, – Диона подошла к нему и протянула к нему руку.

Он медленно перевёл взгляд на её раскрытую ладонь и увидел кинжал. Совершенство форм, идеальность и простота линий приковывали взгляд и погружали в состояние близкое к эйфории, что очень напоминало состояние вызываемое талисманом Боли.

– Он изумителен, – голос служителя охрип от волнения.

– Возьми его в руки, – речь Дионы доносилась до него словно сквозь пелену густого плотного тумана.

Помимо своей воли Эсткарх коснулся его и закружился в сладостном водовороте чувств. Он желал сейчас лишь одного – обладания этим предметом, почему – то увеличившимся в размерах и так удобно лежащим в его ладони. Он привычно боролся с чарами, навешиваемыми им, так же как и ранее с чарами талисмана. Кажущаяся отдалённость и никчёмность окружающего мира, вызванная реликвией, снова вторгалась в его сознание, пытаясь удержать его на кромке сознания и не дать ему погрузиться в мир фантазий и грёз. Внутренняя борьба продолжалась долго, и служитель снова одержал верх. С каждым разом победа над самим собой давалась всё труднее, и он знал, что когда-нибудь очередная реликвия подчинит его. Неизвестно, к каким последствиям это приведёт...

– Очень немногие могли бы сопротивляться таким реликвиям. Не каждая хранительница это может, а, тем более, далеко не каждый мужчина. Возьми его с собой, кто знает, может быть, ты откроешь новые тайны, которые помогут тебе в твоём благородном, с нашей точки зрения, начинании. Помни – только три из них обладают силой, которую ты только что испытал. Это – талисман, печать и кинжал. Остальные имеют немного другие свойства, – Меедар подошёл к Эсткарху и заглянул в глаза.

– Печать ты получишь завтра, перед тем как покинешь это место. А пока можешь осмотреться, может, что-нибудь и заинтересует, – после этих слов Диона покинула комнату, даже не попрощавшись со служителем.

– Я все же очень надеюсь, что служители не успеют к началу битвы, нарушив мне, тем самым, все планы, – бросил повелитель хаоса.

– Этого не случится, поверь мне, – Эсткарх растянул губы в некоем подобии улыбки.

– И ещё, мне очень хотелось бы, чтобы все оставшееся время была не очень приятная погода для инженеров Зангара. Мы с сестрой недавно в Шаэдаре и ещё, к сожалению, слишком слабы, чтобы управлять ею. А недеры, – он сделал паузу, тщательно подбирая слова, – они очень неприспособленны к магии. Это совершенно приземлённые существа, для которых даже элементарные удобства не являются чем-то важным.

– Тогда почему они были выбраны вами? Магия решает в этом мире почти всё.

– Мы выбрали их по двум причинам. Одна из них это, несомненно, огромная популяция. А то, что они самые лучшие бойцы хаоса, это, по-моему, неоспоримо. Вот и вторая причина. Очень скоро, когда ворота, открытые нами, станут более стабильными, сюда проникнут ралкса, геасми и непревзойдённые маги – шакти, – Меедар с неприкрытым удовольствием заметил, как перекосилось лицо Эсткарха в гримасе отвращения при упоминании этих существ.

– Шакти из ям Ужаса! Как можно иметь что-то общее с существами, которых ненавидят даже Боги?!

– Мы готовы сделать всё, чтобы вернуть нашего будущего владыку. Абсолютно всё, – тихо, словно говорил сам с собой, прошептал Меедар.

– Шакти никогда не сдерживали своих обещаний, если им было это выгодно. Они потворствовали даже изгнанию своего создателя – Шакти Ужасного. А их позорное бегство в битве около Хеврона?

Как можно уповать в чем-то на них?

– Мы не уповаем на них, но для того, чтобы взять Резиденцию, нам очень понадобится их возможность менять окружающий мир и превращать части реального мира в первозданный хаос! А если мы не уничтожим орден, нам никогда не добиться той цели, что мы поставили перед собой. Или ты забыл, что жезл находится в его хранилище? А хранительницы? Не думаешь ли ты, что они сами принесут его нам? – издёвка в голосе Меедара не укрылась от Эсткарха.

– Одна из них или все они, но я сделаю так, что они достанутся мне! – издевательский смех Меедара буквально прогремел в его голове.

– Я, конечно, понимаю, что ты один из самых выдающихся людей в плане хитрости, и, думаю, что тебе это удастся. Тем более, это ничего не изменит, нам все равно нужно будет кольцо!

– Я его найду, – гнев служителя утих так же внезапно, как и начался. – И никто не сможет мне помешать. Я залью кровью всю провинцию, но отыщу кольцо.

– Тогда мне придётся признать тебя человеком, сделавшим огромный вклад в гибель, как ордена, так и всей этой империи в целом. Мне интересно было бы узнать твой ответ на один из очень интересующих меня вопросов. Ты сможешь ответить? – прямой взгляд Меедара выводил Эсткарха из себя, и он снова почувствовал нарастающую ярость.

– Только на один.

– В ордене бытует мнение, что Равновесие, которому они преданно служат вот уже несколько тысяч лет, покровительствует хранительницам. Мечь его может быть просто ужасна, – Меедар отвернулся и снова уставился на заставленный стол, – можешь не отвечать. Ты не боишься, я вижу это. Для тебя это не больше чем легенда.

– А ты?

– Это единственное, чего я боюсь. Если в Шаэдаре возвеличится Повелитель Боли, Равновесие очень сильно накажет тех, кто помог ему вернуться, – Меедар поднял над головой инкрустированную золотом и драгоценными камнями чашу, неизвестно как появившуюся в этом мрачном, навевающим тоску месте, и каким-то внутренним чутьём Эсткарх понял, что разговор окончен. Он покинул полутёмное помещение, оставив Меедара наедине со своими мыслями, и вышел на улицу.

Сотни недеров сновали вокруг, словно не замечая его присутствия. Они возводили на окраине своего поселения новую пирамиду из камней, и Эсткарх снова удивился той скорости, с которой шла работа. Портал, открытый повелителями, слабо мерцал, когда очередной из недеров входил в мир Шаэдара. Грохот, лязг, крики, окружающие его, были непривычны для любящего уединение и душевный покой служителя, и он поспешил к виднеющимся неподалёку скалам, где специально для важного гостя была построена отдельная маленькая пирамида.

Глава III. «Начало новой Эры»

Талисман Боли был найден сразу после взятия войсками Ахерона Шесгаллы крепости, на месте которой сейчас возвышаются башни одного из величайших городов империи – Хеврона. Нашедшая его хранительница потеряла разум, ею стало двигать лишь одно желание – причинение страданий любому встреченному живому существу. Цепь жестоких убийств была прервана после недолгих раздумий самой матерью. Единолично. В состоянии строжайшей секретности талисман был отправлен в Резиденцию вместе с небольшим эскортом исключительно из представителей ордена с приказом доставить его к месту назначения или умереть. Через два дня он пропал на одном из перевалов, названных после этого прискорбного происшествия перевалом Боли, чтобы появиться почти через шесть тысяч лет в Мелоранде, столице империи.

Ранним утром он был обнаружен ничего не подозревающими жителями этого огромного, по сравнению с другими, города империи, на площади казней, свисающим с шеи повешенного накануне преступника.

Массовая истерия, охватившая после этого город, не шла ни в какое сравнение с происходящими повсеместно в то не лёгкое для народа время, бунтами. Когда информация была передана императору, он ввёл в городе военное положение, что, впрочем, нисколько не помогло. Через три дня, когда волнения достигли критической отметки, и толпы людей, теперь больше напоминающие орды живых мертвецов, подожгли город, в него вошла гвардия императора и серые стражи ордена. В результате, более чем три четверти населения столицы было вырезано. Среди тысяч мёртвых тел хранительницы искали талисман, ставший причиной гибели столь огромного количества ничего не подозревающих жителей, и на исходе третьих суток, когда, казалось, поиски зашли в тупик, его обнаружили в одном из домов, зажатый в кулаке уже мёртвого служителя Равновесия. Этинара – сестра Атинары, изумрудный плащ, не притронулась к нему, а как ей было приказано, сразу же известила о находке мать ордена. Эскорт из двадцати хранительниц был собран через час и отправлен на равнину Саграм. Мать ордена лично, соблюдая все меры предосторожности, поместила реликвию в шкатулку из минерала каменоломен города Нетер. Ничто не предвещало беды. А, между тем, нашедшая талисман Боли Этинара уже ощущала пагубное воздействие реликвии и держалась только благодаря способности к самоконтролю, полученной в результате десятилетий тренировок. Внешне это никак не проявлялось, и она стала одной из тех, кто должен был сопровождать ценный груз. Это была роковая ошибка для почти всех хранительниц, кто удостоился той же чести.

Глубокой ночью девятнадцатого апреля шесть тысяч триста двенадцатого года летоисчисления, через неделю после того, как эскорт покинул Мелоранд, в ворота Резиденции ордена постучали две закутанных с ног до головы в плащи фигуры. Это были Сиана и Хатэ, находящиеся в последней стадии истощения, с разбитыми доспехами, без камней Наг, но с реликвией. Как оказалось, через несколько часов пути, когда эскорт преодолел уже половину расстояния, Этинара впала в безумство. Двое из тех, кто нёс ящик с талисманом, упали, сражённые её секирой, ящик упал на землю и распахнулся. Остальное происходящее они запомнили смутно. В памяти отпечатались лишь то, как они вместе, стоя спиной к спине, отражали градом рушившиеся со всех сторон удары и заклинания, охраняя драгоценный груз. Почему так стремительно возросла сила артефакта, сразу же подчинившего своей воле почти всех хранительниц из эскорта, они догадались позже. Виной всему был тракт. Они так и не вспомнили, как смогли добраться до Резиденции. Атинара, узнавшая о гибели сестры, вызвала Сиану, как обладающую более высоким рангом, чем Хатэ, на суд чести, в чем ей было отказано матерью, ввиду беспочвенности обвинений.

Реликвия была помещена в хранилище, а о происшедшем постарались как можно быстрее забыть, как о тёмном пятне в истории ордена. Позже он бесследно исчез и не найден и по сей день.

24 Мая 6349 года Летоисчисления.

Эра Предначертаний. Закат.

Ахерон. Западная граница. Цитадель Вакхам

Исида, посетившая Вакхам не в первый раз, восхитилась суровой красотой её величественных построек. Высокие стены, достигающие восьмидесяти метров, исполинские башни, удерживающие на своих вершинах собранные лучшими инженерами империи киттары, вселяли уверенность в неприступности цитадели и гордость за свой народ, владеющий такими цитаделями. Казалось, время не оставило своего отпечатка на величественных стенах и зданиях. Всё вокруг блестело безукоризненной чистотой и новизной. За многие годы своего существования крепость превратилась в некий перевалочный пункт для многих купцов, не побоявшихся покинуть пределы империи и рискнувших пуститься в дальние путешествия путём Скорби в погоне за прибылью. Даже сейчас, когда солнце уже готово было скрыться за горизонтом, а тьма готовилась простереть свои крылья над цитаделью, огромная площадь в центре города – крепости была заполнена сотнями людей, проходящих мимо торговых рядов, и расхваливающими свои товары владельцами. Здесь можно было найти всё, от простых безделушек до действительно редчайших вещей, за которые некоторые из людей могли выложить целые состояния. И, хотя, такие места были настоящим раем для воров и прочих людей, звонкую монету которым приносили насилие и грабёж, на площади их не было. Обилие патрулей серой стражи, не тратившей время на доказательства виновности, и без предупреждения применявшей оружие в случае необходимости, отпугивали любителей лёгкой наживы, заставляя последних держаться подальше. Эшафот, находящийся в сотне метров от западных ворот, служил молчаливым назиданием всем входящим в неё, а надпись над ним: «Здесь властвуют законы ордена хранительниц» только подтверждала опасения путников с недобрыми мыслями. Законы ордена были намного строже, и лишиться головы можно было за обычную кражу, не говоря уже о разбоях, убийствах и других тяжких преступлениях, совершённых в цитадели.

Тиэри хранительницы, повинувшись приказу, описала широкий полукруг над торговой площадью и, пролетев немного левее, приземлилась на специальную, отведённую для таких целей площадку. Тяжело вздымавшиеся бока, полузакрытые глаза и низко опущенная голова с широко распахнутой пастью, молчаливо указывали Исиде на то, что тиэри устала и нуждается в отдыхе. Вскоре рептилия была накормлена, вычищена и расположена в загонках, как две капли воды похожие на загонки Резиденции и сотни других подобных зданий, возведённых в каждом уголке Ахерона. Хлопоты заняли у хранительницы более двух часов, и когда она снова вышла на свежий воздух, то почувствовала ночную прохладу и плотнее закуталась в свой плащ кроваво-красного цвета. Небо в этот поздний час было испещрено маленькими серыми точками, и Исида с удовольствием отметила, что она прибыла одной из первых, избежав толкотни и ужасного шума, которые начнутся здесь спустя несколько минут, когда прибывшие хранительницы также займутся своими тиэри.

Ещё раз, окинув взглядом небо, она зашагала к высившемуся вдалеке зданию, дворцу наместницы, путь к которому указывал столб яркого света, устремившийся в небеса. По мере приближения она всё убыстряла шаг, стремясь снова насладиться мрачным великолепием здания, пока не перешла почти на бег. Дворец, как и было задумано архитекторами, открылся ей неожиданно, хотя она ежесекундно ожидала увидеть его. Сняв шлем и посмотрев почти вертикально вверх, хранительница в восхищении затаила дыхание. Огромной высоты колонны, расположенные по периметру всего здания, казалось, подпирали небо, и непонятно было, каким образом они не рушатся – ведь в обхвате они были не более метра. Удивительная и неповто-

римая резьба, украшающая каждую из колонн, образовывала своеобразные рисунки, показывающие важные сцены из истории ордена. По бокам всегда открытых дверей, непропорционально маленьких в сравнении с размерами остальных архитектурных составляющих этой колоссальной постройки, располагались две статуи шестируких гигантов, в которых осведомлённый человек без труда бы узнал точные копии шаудеров, разве что гораздо больших, чем на самом деле, размеров. В мифе, бытовавшем за пределами ордена, говорилось, что если наместница принесёт себя в жертву ради спасения цитадели, то статуи оживут и будут сражаться на стороне защитников.

Не позволив себе долго наслаждаться прекрасным видом, понимая, что времени очень мало, хранительница прошла внутрь здания, миновав четверых стражей, стоящих около входа и почти незаметных в своих доспехах ночью, и зажмурилась, привыкая после полутёмной улицы к потокам света, обрушившихся на неё со всех сторон.

Тысячи вкраплений камня датэ изливали потоки света, освещая огромное пространство под куполом зала собраний. Инструктированные золотом и серебром ложи, опоясывающие кольцами зал, являлись изумительным образцом искусности мастеров империи и не уступали по красоте и изяществу ложам императорского дворца в Мелоранде. Стекланный купол пропускал свет и вверх. Пол под ногами Исида был устлан мраморными плитами, швы между которыми были незаметны и, казалось, что весь пол это одна исполинская мраморная плита, отшлифованная до блеска. Спроектированный так же, как и во дворце императора, он поднимался вверх под небольшим углом и открывал взору каждого входящего в этот зал, выложенный на нем драгоценными камнями, золотом и серебром герб ордена. Золотой шлем, обрамлённый серебряным венком и с надписью внизу «Служение. Защита. Возмездие».

Две двери, расположенные в другом конце, вели в личные покои наместницы и в небольшую комнату, служащую для приёма высокопоставленных лиц. Между ними на специальном возвышении находился длинный стол и стулья. Ряды ступеней, ведущие к ним, были устланы тканью, расшитой не менее богато, чем одежда самой наместницы.

Наместницу Юллиаль и Сиану первая дочь увидела в стороне от суматохи, царящей в зале собраний в преддверии грядущего сбора. Снующие повсюду слуги в цветастых ливреях с гербами империи на левом и ордена на правом предплечье, вносили в зал стулья и столы, тут же накрывали их скатертями и расставляли всевозможные напитки и яства. Исида постаралась остаться незаметной и поспешила уйти в сторону в надежде, что ей не придётся вести вежливые пространные разговоры с малознакомыми людьми, для которых общение с ней являлось лишней возможностью выделиться.

Таких ситуаций в её жизни было очень много. С тех пор как хранительница получила рубиновый плащ, с каждым разом ей всё больше претило назойливое внимание окружающих. Но, к большому сожалению, её заметил Пайтер – ставленник Зангара. Он получил от императора должность военного советника, и Исида недоумевала, как ему это удалось, ведь Пайтер никогда не участвовал в боевых действиях и знал о войне лишь понаслышке. Двенадцать лет назад он прибыл в цитадель Вакхам с письмом, заверенным императором, в котором витиеватым языком, что многим очень не нравилось, но являлось неотъемлемой частью официальных писем Таргола, была изложена настойчивая просьба. Суть её заключалась во «всеобщем содействии и помощи в вопросах касающихся военных действий и приготовлений к ним, предъявителю данного письма». Спустя год ни у кого не возникало сомнений в том, что Пайтер получил должность, скорее всего, потому, что императору нужно было избавиться от него, а единственным способом сделать это без лишнего шума была его отправка на дальние рубежи, подальше от дворца. К неудовольствию большей части гарнизона цитадели, в том числе и наместницы матери – Юллиаль, он ни разу не покидал пределы цитадели Вакхам, не позволяя отдохнуть. А отдохнуть было от чего! Например, вечно мрачного настроения и бес-

конечных упрёков в адрес любого встреченного им должностного лица вне зависимости от занимаемой им должности.

Но сегодня, что было очень странным, на его толстом и некрасивом лице плавала добродушная и приветливая улыбка. Он подошёл, и согласно всех правил кодекса приветствовал хранительницу, что показалось ей ещё более странным. Насколько было известно Исиде, за всю историю его пребывания в цитадели этой чести не удостаивалась и сама наместница, терпевшая такую неучтивость с его стороны только благодаря личной просьбе матери ордена.

– Приветствую вас, советник, – автоматически ответила на его приветствие Исида, уже ищущая способы поскорее закончить разговор и избавиться от необходимости вести очередную скучную беседу.

– Мне стало известно о грядущем сборе, и я поспешил сюда, чтобы присутствовать на нем и, по мере своих сил, помочь, – притворно сладкий голос, в котором чувствовалась неприкрытая лесть, действовал хранительнице на нервы.

– Очень благородно с вашей стороны, но, насколько мне известно, это ваши прямые обязанности, – Исида не отказалась от очередной возможности поставить этого, по её мнению, выскочку на место.

– Да, но кто добросовестно соблюдает их в наше время кроме вас и ваших сестёр? – очередное лестное замечание ещё более вывело Исиду из равновесия, но она снова сдержалась, подавив свой гнев.

– После того как орден наложил на империю благодать, да? – продолжила она его мысль ничего не выражающим тоном.

– Вы совершенно правы, – улыбка не сходила с лица советника, но его глаза блуждали из стороны в сторону. Его жесты и мимика были необычными в такой обстановке, словно он силился сообщить ей что-то важное, но какие-то сторонние могущественные силы не давали ему это сделать.

– Я уверена, что вы заговорили со мной не просто из обычной вежливости, а с явным намерением. Поэтому я прошу вас быстрее изложить мне всё, что хотели сказать. У меня очень мало времени, – хранительница решила прямо задать вопрос, а не теряться в догадках, верны ли её предположения.

– Дело в том, достопочтенная, что в силу некоторых обстоятельств, я не могу сейчас изложить вам все свои доводы и опасения.

Единственное, в чём вы можете быть уверены, это в том, что кампания, которую вы задумали, не принесёт успеха, – его взгляд остановился, и Исиде показалось на мгновение, что она увидела в его глазах выражение страха, – встретимся за час перед началом сбора.

– Хорошо. Я думаю, что наместница предоставит нам свои личные покои для обсуждения ваших опасений, – она выделила последнее слово.

– Благодарю Вас, – Пайтер заметно повеселел.

– До встречи, советник.

Пайтер стремительно, словно от этого зависела его жизнь, отошёл от хранительницы и поспешил к вошедшему, к огромному удивлению Исиды, Дагону, одному из наместников императора, присутствовавшего на общем сборе в Резиденции ордена. Как ему удалось в столь сжатые сроки посетить императора, как он и обещал, и прибыть сюда, ей было непонятно. Тракт? Всё равно этого времени мало.

Непонятен был хранительнице и его вдруг резко проснувшийся интерес к военным делам ордена. Он никогда не интересовался ничем связанным с военными действиями, а рассказы о давно минувших сражениях и подвигах вызывали у него лишь презрительную гримасу. Исида решила в ближайшем времени встретиться с ним и расспросить Дагона более подробно об этих внезапных переменах, а пока в ней говорило только одно желание – поскорее покинуть дворец.

Именно поэтому она и отправилась искать ближайшее место, где можно поесть и отдохнуть в тишине за то недолгое время, что осталось до начала сбора.

Две встреченные ею таверны она прошла, не останавливаясь и не заглядывая внутрь. Они стояли друг напротив друга, и их названия говорили сами за себя – «Бешеный шаудер» и «Шакти». Ещё через сотню метров она увидела призывные огни третьей, освещавшие вывеску со странным названием «Спящая статуя». Из-за широко открытых дверей таверны не доносились ни звука, в отличие от недавно встреченных ею, в которых даже сквозь плотно закрытые ставни и двери доносился гул множества голосов.

Хранительница заглянула внутрь. Шесть круглых столов, расположенных на большом расстоянии друг от друга с идеально белыми скатертями... Всё сияло чистотой и ухоженностью. Несколько серых стражей, расположившихся за одним из столиков, встали при её приближении. Хозяин, мужчина уже в годах, возник, словно из ниоткуда. Склонился в почти-тительном поклоне и, выпрямившись, жестом приглашая Исиду присесть за один из столиков. Последовав его совету, хранительница села за дальний, стоявший обособленно от всех стол и раскрыла лежавшее на нем меню, но усталость, снова навалившаяся тяжким грузом, не располагала к чтению.

– Если вы не против, то мне бы хотелось плотно поесть. Во всём остальном я полагаюсь на ваш вкус. Единственное моё пожелание – это как можно более короткое ожидание, – неприветливая интонация и располагающий взгляд ввели хозяина таверны в короткое замешательство, но тот сразу нашёлся.

– Всё будет сделано в кратчайшее сроки, я лично об этом позабочусь, – скорости, с которой он убежал на кухню, можно было бы позавидовать.

Ослабив крепления, Исида позволила себе расслабиться и, откинувшись на высокую спинку стула, закрыла глаза. Тихая, спокойная музыка, доносившаяся откуда-то с улицы, располагала к отдыху. Звон посуды и приглушённые тяжёлыми портьерами выкрики, доносившиеся с кухни, создавали особую домашнюю обстановку. Света, воспринимаемого ею сквозь прикрытые веки, неожиданно стало меньше, и она от неожиданности широко распахнула глаза, но, улыбнувшись, тут же снова закрыла их. Хозяин таверны стоял около стены, а его рука покоилась на почти незаметном рычаге. Такие переключатели используются почти во всех домах империи, освещаемых ночью с помощью минерала датэ. Они приводили в действие сложные механизмы, расположенные в полостях стен, в которых были вкрапления этого минерала, закрывающихся множеством небольших пластин, изготовленных из тёмного стекла. Чем стекло было темнее, тем меньше света проходило сквозь него. Звук шагов и шорох скатерти снова заставил Исиду открыть глаза. Две девушки расставляли на столе блюда, и хранительница удивилась необычайной прозорливости хозяина – казалось, она сама выбирала не только то, что хотела бы съесть, но, также, и количество. Вымыв руки в услужливо подставленной одной из девушек чаше, Исида протянула руки к тарелке с изумительно пахнущим супом из артаере – довольно редкого овоща, встречающимся только в этой местности. Его вкус не уступал запаху, и хранительница в упоении закатила вверх глаза, выражая хозяину своё восхищение. Через две минуты с артаере было покончено, и она взяла в руки вилку, решив попробовать салат, названия которого даже не знала, как, впрочем, и его ингредиентов, но выглядевшего как пища Богов. Первый голод был утолён, и она приготовилась насладиться новыми ощущениями, но...

Необычайно пронзительный звук, похожий на завывания исполинского чудовища, влетел в помещение и заставил Исиду и людей рядом с ней прикрыть уши ладонями в попытке защититься от столь неприятного звука, больше напоминающего скрежет металла по стеклу. Но тот быстро исчез, хотя это не успокоило, а, наоборот, заставило хранительницу и находившихся в таверне серых стражей, спешно собраться и, оставив на столе деньги, очень быстро направиться к дворцу наместницы. Звук, который заставил их это сделать, означал, что в цитадели случилось что-то чрезвычайное и требуется присутствие всех, кто служит ордену и находится рядом.

Встретившись глазами с одним из стражей, Исида лишь пожала плечами, показывая, что ей не известна причина поднятой тревоги и, плотнее запахнувшись в плащ, вышла на улицу.

25 Мая 6349 года Летоисчисления.

Эра Предначертаний. Полдень.

Ахерон. Западная граница. Путь Скорби.

Длинная вереница солдат и подвод, двигавшаяся по очень редко используемому тракту, построенному в незапамятные времена уже давно стёртыми из людской памяти строителями, растянулась на несколько километров. Армия, собранная в цитадели и идущая в пустоши, чтобы дать решительный бой недерам, покинувших свои обиталища в нижних мирах и вновь пришедших в Шаэдар, насчитывала более шестидесяти тысяч солдат и около двух тысяч боевых животных. И это не считая тиэри, наводивших панический ужас на врага своими огромными размерами и устрашающей внешностью. В армии было много хранильниц, хоть и предпочитавших двигаться не пешком, а на спинах своих тиэри, но, в связи с предстоящим сражением, идущих вместе с основной массой войск, давая возможность своим ящерам набраться сил. В середине этого огромного скопления людей, запряжённая пара траэти тащила повозку, внутри которой передвигалась Сиана – стратег. Рядом с ней находилась и Исида, её истинная сестра и второй стратег. Вокруг них постоянно был заметен людской водоворот; кто-то приближался к ним, что-то выкрикивая на ходу, кто-то отъезжал, видимо, получая какие-то указания.

Дождь, начавшийся ночью, продолжал моросить весь день и, сопровождаемый пронизывающими порывами ветра, выводил животных из себя. Они плохо слушались погонщиков, и тем стоило огромных усилий заставлять их выполнять свои приказы.

Тиэри, ненавидевшие такую погоду, поднялись куда-то очень высоко вверх, и сейчас их, скрываемых пеленой облаков, невозможно было увидеть.

Инженеры качали головами, в их глазах можно было рассмотреть тревогу, которую понимали все, знакомые с таким устройством как киттара. Дерево под названием хиедэ, в изобилии росшее в пустошах, было единственным материалом, из которого можно было сделать это осадное орудие. Его невероятная гибкость, неспособность к деформации и несколько других, не менее важных свойств, слабели, если оно не было сухим. Киттары, изготовленные из сырого дерева, очень плохо поддавались настройке и не всегда вели себя так, как нужно было инженерам, которые управляли ими. Если дождь будет идти ещё хотя бы двое суток, то это станет очень весомым преимуществом для врагов. Инженеры уведомили о своих тревогах Сиану и сейчас ожидали ответа от стратега, не считая, впрочем, что сборка китар сейчас лучшее решение. Они потеряют сутки и, скорее всего, не успеют подготовиться к обороне в месте, которое Сиана выбрала для битвы, так как присутствие этих исполинских орудий существенно замедлит передвижение армии.

Второй необъяснимой странностью, пугающей своей неизвестностью, было то, что рассвет так и не наступил, хотя, по подсчётам Сианы, солнце уже должно было быть в зените.

Гвардейцы империи, также непривычные к такой погоде, так разительно отличающейся от того, к чему они привыкли в Мелоранде, проводя там большую часть своей жизни, тоже были недовольны и недоумевали, почему ритуальный круг стратега всё ещё не исправил это недоразумение – погоду.

Сиана, мерно раскачивающаяся в такт ходьбе траэти, несущих её на спинах, пыталась проанализировать полученные от дозорных известия. У неё создавалось впечатление, что это не просто причуда погоды, которой так не свойственен дождь в пустошах в это время года, а чей-то злой умысел. Фронт непогоды двигался вдоль дороги, вместе с ведомой ею армией, и напоминал вытянутый овал. На расстоянии не более двух километров от арьергарда и арьергарда армии не было заметно никаких облаков и дозорные постоянно докладывали ей о том,

что фронт движется вместе с армией с такой же, как и у неё, скоростью. Ритуальный круг Сианы не смог найти никаких признаков того, что кто-то управляет непогодой, но это не рассеяло её опасений, а наоборот, ещё больше подтвердило их. Она прекрасно понимала, что недеры по своей природе не могут применять магию, а, значит, у них определённо появился союзник. Кто он, хранительница даже не догадывалась, но то, что он был здесь до их появления, она была уверена.

Убийство Пайтера, произошедшее вчера ночью в цитадели Вакхам, ещё более подтвердило её опасения, и сомнений в том, что кто-то поддерживает недеров у неё больше не оставалось. Кто-то довольно сильный, чтобы подготовить убийство важного лица в одной из святынь ордена, но, также, и очень искушённый в магии, так как смог остаться незамеченным, применяя такие заклинания. Исида разделяла её опасения, о чем и сообщила ей в ходе неторопливой размеренной беседы, которую они вели с момента выхода армии из цитадели. Рассказ Килдара о пророчестве оракула заставил Исиду задуматься и она, подперев голову ладонью, задумчиво смотрела перед собой. Наконец, когда очередной дозорный доложил ей о том, впереди показались Врата Скорби, она повернула голову в сторону Сианы.

– Идти дальше нельзя, надо принимать бой около входа в ущелье. Инженеры соберут киттары, и мы встретим недеров, когда те будут находиться между его отвесными стенами. Их армия будет зажата, и их стратег не сможет удерживать контроль над своими подразделениями. Мы же сможем, построившись полумесяцем, довольно долго и успешно отражать их натиск. Киттары не нужно будет долго настраивать, надо будет лишь пристрелять их точно на выход из ущелья и всё. У того, кто их ведёт, останется единственный выход – бросить всю армию вперёд и попытаться пробить брешь в наших рядах. При таком положении дел осадные орудия будут наносить огромный урон наступающим, а нам останется лишь добивать тех, кому удастся подойти слишком близко. Если ты всё-таки решишь двигаться дальше к западному хребту, то я не дам гарантию того, что мы успеем туда до того, как недеры займут его. Я гарантирую лишь то, что в любом случае наши инженеры там станут бесполезны.

– Почему? Ведь дождь там, где армия! Я думаю, что он лишь для того, чтобы довести наших животных до состояния ярости, – Сиана скривила губы, – тот, кто ведёт их, очень умён. Это очень сильно ослабит нас.

– Я считаю, что сейчас такая же погода стоит в пустошах везде, где есть лес, – я, конечно, буду очень рада, если я ошибаюсь, но... К сожалению, это так.

– Откуда ты знаешь? – Сиана заглянула в глаза Исиде.

– Пока мне просто лишь так кажется, но наш противник очень хорошо подготовился и... не думаю, что он мог упустить такую важную деталь, – Исида как-то неестественно рассмеялась, – советую тебе поторопиться, я, почему-то, ни капли не сомневаюсь, что недеры уже недалеко. Теперь они не будут строить крепости, на этот раз они пришли, чтобы победить!

– Недавно один человек сказал, что я рассуждаю как Иллана, – имя небезызвестной хранительницы она произнесла шёпотом, – я же могу сказать, что Иллана своими речами не шла ни в какое сравнение с тобой, первая дочь.

– Уж не Килдар ли сказал тебе это? – смех Исиды заставил улыбнуться Сиану, но она сразу же насупилась.

– Иногда ваша изумительная проницательность заставляет меня почувствовать себя ребёнком рядом с вами, достопочтенная, – злобная гримаса и игривый огонёк в глазах подсказывал Исиде, что на самом деле Сиана шутит, и решила поддержать этот тон.

– Вы и так ребёнок, особенно в отношениях с мужчинами.

– Причём здесь это? – Сиана покраснела.

– Не причём, конечно, просто это лишний раз подтверждает вашу несостоятельность в некоторых вопросах, – Исида закатила глаза к небу, словно разговаривала сама с собой, – слышишь, рог трубит? Очень похоже на вестника императора.

Прислушавшись, Сиана и вправду услышала трубный звук, становившийся с каждой секундой всё отчётливее, и через минуту она была уверена в том, что Исида не ошиблась. Это, действительно, трубил вестник Зангара. Срочно отдав приказ остановиться, сразу же переданный в обе стороны, она созвала свой ритуальный круг и, спустившись вместе с первой дочерью на землю, ожидала его приближения. Буквально пролетев по своеобразному коридору, образованному отступившими к обочине солдатами, триэт резко остановился и замер, ожидая, пока наезднику, молодому человеку, почти мальчику, у которого только ещё начали проявляться признаки усов, помогут спуститься на землю. Видно было, что он устал и еле стоит на ногах. Люди, хоть раз ездившие верхом на триэтах, очень редко отваживались испытать себя ещё раз, но подавляющее большинство пробовавших вторично, впоследствии становились вестниками. Животные с шестью очень длинными многосуставчатыми ногами и непропорционально маленькими остальными частями тела могли развивать невероятную скорость, покрывая большие расстояния намного быстрее, чем тизри. Они легко приручались и не требовали особого ухода, что, в конечном счёте, и повлияло на судьбу большинства из них. Очень длинный жизненный цикл этих созданий привлекал людей, но триэты не размножались в неволе и поэтому всегда находились люди, желающие сделать большие деньги на их ловле. Как правило, более удачливые очень быстро наживали себе состояние, но гораздо большее число разорялось – мизерная популяция делала поиск триэтов очень тяжёлым занятием. Огромная цена на этих животных, стабильно державшаяся уже более сотни лет, делала покупку их обычными людьми почти невозможной. Более того, император объявил о приоритете при их покупке, и теперь подавляющее большинство траэти закупали его наместники. Вестники составляли особую касту среди государственных служащих и пользовались благосклонностью императора и его приближённых.

– Приветствую вас, стратег! – произнёс вестник после благодарного кивка головой, адресованному тем, кто помог ему встать на землю.

– Что заставило вас столь быстро преследовать нашу армию? – Сиана сочувственно смотрела на юношу, у которого подгибались от усталости колени, а в голосе слышались признаки невероятной усталости.

– Меня зовут Итар. Я уполномочен самим императором, уведомить всех присутствующих здесь о том, что сегодня ночью руна веков изменилась. В тот же самый момент спящие оракулы императора и ордена служителей проснулись и в точности повторили слова, что были написаны руной в летописи веков. Эти слова мне велено передать вам, стратег, в этом послании, – вестник протянул руку, держа в ней свёрнутый в трубочку пергамент с печатью Императора.

Сиана взяла его и, поднявшись в паланкин, сорвала печать.

– Вы можете отправляться в обратный путь, если вы сделали всё, что было нужно, – Исида вопрошающе посмотрела на Итара, который, почему-то, не торопился снова сесть в седло.

– Мне также было приказано следовать вместе с вашей армией, чтобы доложить об успехе, или, наоборот, о провале этой компании, после небольшой паузы сообщил Итар.

– Хорошо, – Исида вернулась обратно к Сиане.

Остекленевшие глаза и бледное, похожее на маску лицо, подсказали ей, что вести были ужасные. Свёрнутый пергамент с сорванной печатью лежал на полу, и Сиана не делала никаких попыток поднять его.

Что случилось? – вопрос, словно повис в воздухе. Сиана молча указала глазами на письмо. Исида нагнулась, развернула его и углубилась в чтение.

«Настоящим посланием уведомляю вас о том, что сегодня ночью Руна Веков изменилась. Слова, что были написаны Руной в Летописи Веков, были прочитаны нами, а спящие оракулы ордена хранительниц, императора и ордена служителей подтвердили прочитанное. Вот эти слова:

«Да наполнятся мрачной тоской сердца имеющих зрение, и застынут от ужаса те, кому открыто знание. Эра Предначертаний закончена, настала новая эра – Эра Исполнения Предначертанного. Конец эры Предначертаний был ознаменован нарушением Равновесия. Знаменем начала новой эры стал приход в Шаэдар господина Мрака – вестника хаоса.

Вечные сумерки вместо дня и непроглядный мрак вместо ночи станут признаками его правления в мире Шаэдара, и никакая из известных сил не предотвратит гибели существ, населяющих его, а сопротивление лишь оттянет неизбежное. Мир этот станет частью хаоса, и подданные его заселят эти некогда прекрасные земли. Так будет до наступления эры второй великой Войны Богов. Повелителям хаоса не сможет противостоять никто, а рождение нового Бога уже не спасёт Шаэдар, но спасёт другой мир от Древнего Бога».

Просим Вас, почтенная Сиана, не распространяться о содержании этого послания, ввиду его слишком мрачных предсказаний. Советом Таргола и, в частности, самим императором, было принято решение оставить в безызвестности жителей империи, так как это может повлечь за собой людские волнения.

С уважением, Зангар Двенадцатый, император Ахерона и подвластных ему земель».

Исида запечатала письмо и протянула его Сиане, не сказав ни слова. Привстав с места, она обвела взглядом армию и махнула рукой в молчаливом призыве продолжать движение. Немного покачнувшись от толчка, вызванным первым шагом траэти, хранительница спрыгнула на землю и что-то сказала посыльным. Через несколько минут армия перешла на бег.

26 Мая 6349 года Летоисчисления.

Эра Исполнения Предначертанного. Полдень.

Ахерон. Пустоши. Ущелье Скорби

Меедара мучила неизвестность. Три часа назад он и его армия оказались менее чем в километре от арки, называемой Вратами Скорби и обозначающей выход для него на просторы пустошей. Буквально сразу после этого вокруг опустился неестественный туман, густеющий по мере приближения к ней. Уже на расстоянии в полкилометра он не мог различить ничего дальше двух метров. Тогда Меедар отдал приказ армии отойти назад и выслал вперёд сотню своих солдат. По прошествии часа никаких вестей повелитель хаоса так и не получил, и ещё сотня солдат, отправленная им, пропала без вести. Сейчас он находился в раздумье. Три часа задержки являлись очень большим отрезком времени, а формирование в боевой порядок сейчас, в немыслимой тесноте ущелья, означало бы потерю ещё большего количества времени. С другой стороны, если на выходе его ждёт армия, развернувшаяся в боевой порядок и готовая к атаке... Даже если Меедару и его недерам и удастся её разбить, то потери будут такими большими, что повелителю неизбежно нужно будет отказаться от попытки прорвать пояс неприступности, взяв или заключив в область хаоса цитадель Вакхам. Придётся срочно укрепиться здесь, тем самым начав долгую и кровопролитную войну на истощение. И ещё неизвестно кому удастся победить в ней, ему, со своим талантом стратега и лучшими солдатами нижних миров, или империи, с её поистине неисчерпаемыми людскими ресурсами.

Рассуждения склонили его в пользу первого варианта и Меедар, глубоко вздохнув, решил начать формирование. Позвав командиров своих соединений, из которых почти все были очень молодыми, исключая, пожалуй, старого ветерана Дак Рэ, прошедшего не один десяток войн под его командованием, Меедар приказал собирать своих подчинённых.

– Моя армия не более чем несколько тысяч отборных профессионалов-одиночек. Два года подготовки так и не дали им истинной выучки, и я даже не смог приблизиться к выучке имперских солдат-первогодок. А их гвардейцы? Что же говорить тогда о серой страже ордена? Опыт прошлых столкновений с армиями недеров, как, впрочем, и с армиями других рас, с которыми хоть раз пришлось столкнуться стражникам, передаваемый поколениями, сделал из них грозных противников для повелителя хаоса. А с магией хранительниц и технологиями,

доступными ордену, они будут почти непобедимы. Почти... Вчера вечером он получил согласие от представителей Ралкса, и теперь у него будет, что противопоставить ему. Единственный недостаток в том, что эти слишком медлительные, но грозные боевые машины нижних миров присоединятся к его армии не ранее, чем через неделю. А они нужны именно сейчас. Как бы ни пришлось использовать символ хаоса, их слишком мало, а большее их количество, несущая страдания, получить не смогла.

Мысли вихрем проносились в голове Меедара, а, тем временем, огромная армия приобретала некое подобие строя и упорядоченности. Растянувшаяся на многие километры колонна сейчас сжималась в соединения. Ущелье наполнилось лязгом оружия и доспехов, резкими гортанными выкриками примитивного языка этих человекоподобных созданий. Шум, усиливающийся благодаря отвесным скалам, скоро стал настолько сильным, что повелителю стало ясно, что если за воротами Скорби его действительно ждёт армия и этот неестественный туман такая же преграда для них, как и для него (в чем он очень сильно сомневался), то армия нижних миров уже обнаружена. Хотя, это не сильно важно, ведь китгар у противника быть не должно – служители должны были позаботиться об этом, а другие, менее исполинские механизмы империи даже если и достанут до них, то не смогут причинить существенного вреда. Ехидная усмешка тронула его губы, но лишь на миг.

Нестерпимый, закладывающий уши визг, наполнил окружающее его пространство, и пять каменных шаров до десяти метров в диаметре каждый, врезались в центр одного из соединений, сразу же унеся жизни более четырёхсот солдат. Шестой шар отразился от противоположной стены и, изменив направление, упал в нескольких метрах от Меедара. Гигантской силы удар подбросил его в воздух и ударил о камни. Несколько осколков, на которые раскололся шар, впились в левую руку, и та повисла плетью. Пыль заполнила всё вокруг, и буквально сразу вслед за первыми шестью шарами в ущелье влетело ещё двенадцать. Их направили таким образом, что они, отражаясь от стен и иногда разлетаясь от мощнейшего удара на тысячи осколков, только потом били по шеренгам недеров, ещё не оправившихся от первого шока. Осколки ранили и убивали, внося дополнительную сумятицу. Пыль, закрывавшая всё вокруг, мешала недерам ориентироваться и, попадая в глаза, выедала их. Почувствовав действие пыли, повелитель хаоса подумал, что она неестественна, но это никак не облегчало ситуацию, в которую попала его армия. После первого залпа прошло не более двух минут, и перед Меедаром предстала удручающая картина. На первый взгляд он лишился более пяти тысяч убитыми и ранеными. Мало этого, не привыкшие из-за особенностей нижних миров к оружию дистанционного поражения, а, тем более, к осадным орудиям, недеры запаниковали. Стараясь никак не выказывать этого внешне, они, тем не менее, стали вялыми, и в их глазах уже не было свойственного им блеска, появлявшегося всякий раз в ожидании схватки. Командиры подразделений, среди которых Меедар с облегчением увидел Дак ре, снова старались собрать недеров в какое-то подобие строя. Их резкие выкрики, а, иногда, и блеск обнажённого клинка оказали желаемое воздействие, и они с неохотой начали собираться в изрядно поредевшие соединения. Спустя пятнадцать минут формирование было почти закончено, и Меедар поднял руку, приготовившись отдать приказ к атаке, когда услышал очередной визг. Наученная предыдущими каменными глыбами армия бросилась врассыпную, но не успела. Словно кто-то огромный и сильный одновременно ударил в восемнадцать невидимых исполинских барабанов, и ущелье наполнилось предсмертным воем и криками боли. Стараясь уйти от верной гибели, недеры бросились к отвесным скалам, стараясь слиться с ними, стать одним целым. Небольшие выемки в скалах сразу же оказались забитыми до отказа жаждущими спасения солдатами, и тогда возведённые фальшивые стены рухнули, обнажая сотни различных ловушек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.